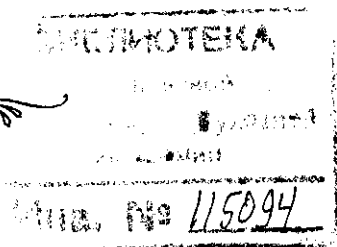

О ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ
СТАРЦА-ЗАТВОРНИКА
ГЕОСИМАНСКАГО СКИТА,
ЧТО БЛИЗЪ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ,
ВЪ ИЕРУСАЛИМЪ АЛЕКСАНДРА

СОБРАНО ЕГО КЕЛЕЙНИКОМЪ Н. Н.

(Въ пользу Смоленско-Засимовой пустыни. Станція Арсаки,
Москов.-Ярослав. ж. д., Александровскаго уѣзда, Владимір-
ской губ.).

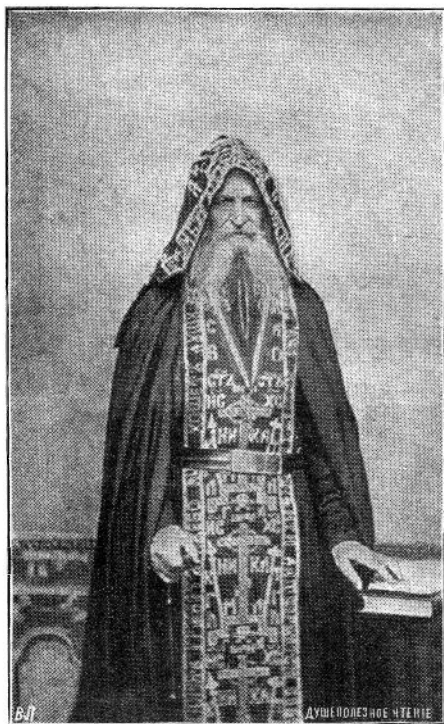
МОСКВА

Типо-Литографія Придв. пост. Д. В. Троицкаго, Больш. Дмитровка, д. Чуксиной.

1904.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Декабря 13 дня 1904 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

Старець-затворникъ Геѳсиманскаго скита, что близъ Троице-Сергіевой Лавры,
о. іеросхимонахъ Александръ.

О ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ СТАРЦА-ЗАТВОРНИКА
ГЕОСИМАНСКАГО СКИТА,
ЧТО БЛИЗЪ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ,
С. ІЕРОСХИМОНАХА АЛЕКСАНДРА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

*Помните наставники ваша, иже
слаголаша вамъ слово Божіе, иже
взирающе на скончаніе жительства,
подражайте спръ ихъ (Евр. 13, 7).*

Прошло уже 20 лѣтъ со дня кончины (ум. 9 февр. 1878 г.) старца-затворника Геосиманскаго скита, о. іеросхимонаха Александра, въ свое время пользовавшагося большимъ уваженіемъ и извѣстностью. Между тѣмъ доселѣ не составлено никакого жизнеописанія его, и не явилось на свѣтъ какихъ-либо воспоминаній объ о. Александрѣ. Правда, записки о жизни о. Александра были составлены уже давно, спустя нѣсколько лѣтъ по кончинѣ старца. Въ 1882 году случилось быть въ Геосиманскомъ скитѣ іеромонаху Стефану, который получилъ въ 1889 году отъ Св. Синода разрѣшеніе учредить въ Вятской губерніи, близъ села Филейки, мужской общежительный монастырь во имя благовѣрнаго князя Александра Невскаго, а за нѣсколько лѣтъ до того времени построилъ на этомъ мѣстѣ церковь и принялъ къ себѣ нѣсколько человѣкъ, желавшихъ жить подъ его руководствомъ. Въ Геосиманскомъ скитѣ отъ одного изъ духовныхъ чадъ о. Александра, бывшихъ въ наиболѣе близкомъ отношеніи

къ почившему старцу, іеромонахъ Стефанъ узналъ много интересныхъ свѣдѣній объ о. Александрѣ. Желая предложить въ назиданіе собираемому братству примѣръ благочестивой жизни этого подвижника, о. Стефанъ просилъ его бывшего ученика вспомнить все, что онъ знаетъ о своемъ руководителѣ, и сообщить ему письменно. Просьба эта была исполнена. Такимъ образомъ, появились записки о старцѣ о. Александрѣ. Но привести эти письменныя свѣдѣнія и воспоминанія о старцѣ въ порядокъ доселѣ еще никто не взялъ на себя труда. Хотя записки и были въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, которые брали ихъ для прочтенія, исправленія или напечатанія, дѣлали иногда свои замѣчанія; однако по разнымъ причинамъ дѣло не было доведено до конца.

Но свѣтильникъ долженъ быть поставленъ не подъ спудомъ, а на свѣщникѣ, чтобы свѣтить всѣмъ людямъ (Матѣ. 5, 15—16). Что о. Александръ чрезъ свою жизнь сдѣлался свѣтильникомъ для міра, это признавали такіе уважаемые подвижники, какъ оптинскій старецъ, іеросхимонахъ Амвросій и преосвященный Теофанъ-затворникъ. О. Амвросій былъ въ близкомъ духовномъ отношеніи къ о. Александру, такъ какъ нѣкогда оба они были въ Оптиной пустыни, гдѣ о. Александръ полагалъ начало иноческой жизни, проходили одно послушаніе на кухнѣ и оба ходили для духовнаго наставленія къ тамошнему знаменитому старцу о. Леониду ¹⁾). Когда первоначально составленныя записки объ о. Александрѣ были приготовлены въ нѣсколькихъ экземплярахъ и посланы для прочтенія въ разныя обители и между прочимъ въ Оптину пустынь, то о. Амвросій, выслушавъ записки, отозвался о нихъ одобрительно, только велѣлъ повременить съ напечатаніемъ ихъ, такъ какъ, по его словамъ, на это не пришло еще время ²⁾), совѣтовалъ давать ихъ для прочтенія духовнымъ дѣтямъ о. Александра, и распространить между монашествующими и въ особенности въ жен-

¹⁾ Эта духовная дружба не прекратилась и впоследствии: о. Амвросій нѣрѣдко присылалъ потомъ къ о. Александру своихъ на исповѣдь.

²⁾ Въ то время большинство лицъ, неблаговолившихъ къ о. Александру, были еще живы.

скихъ обителяхъ. Это было въ 1885 году. Черезъ два года о существованіи записокъ узналъ еп. Теофанъ, за-творникъ Вышенской пустыни. И вотъ что онъ написалъ по этому поводу: „Помяная объ о. Александрѣ, вы ска-зали о нѣкоей его рукопи ¹⁾. Вы послали ее на Валаамъ для прочтенія. Когда воротится, потрудитесь прислать ко мнѣ. Желательно прочитать ее“. — Доставленные пре-освященному записки онъ возвратилъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, причемъ далъ о нихъ слѣдующій отзывъ: „Про-читалъ записки о старцѣ Александрѣ. — Благодарю за удовольствіе и назиданіе, доставленное чтеніемъ ихъ. — Я нахожу, что ихъ слѣдовало бы напечатать. Только по-просить кого-либо исправить языкъ по мѣстамъ... Но во-обще все составлено довольно складно. — Старецъ былъ въ настоящемъ молитвенномъ строѣ. То, что говорится въ записяхъ о томъ, какъ онъ молился, однихъ укрѣпить, другихъ вразумить и всѣхъ воодушевить къ молитвенно-му труду. Поэтому держать ихъ подъ спудомъ не совсѣмъ безгрѣшно. — Можетъ быть, я ошибаюсь, судя такъ. Дали бы еще кому прочитать... Я только счелъ долгомъ заявить свою о семъ мысль... Можетъ быть со стороны о. Александра встрѣтится какая помѣха, которой я не вижу“.

О благовременности напечатанія записокъ объ о. Алек-сандрѣ свидѣтельствуетъ и то еще, что жизнь и по-двиги его принесли замѣтные плоды. „Аще зерно пше-нично падъ на земли, не умретъ, то едино пребываетъ; аще же умретъ многъ плодъ сотворить“ (Іоан. 12, 24). Повидимому, умерши для земной жизни и міра, не только чрезъ духовную борьбу со страстями, но еще и чрезъ видимое удаленіе изъ міра въ затворъ, о. Александръ явился насадителемъ въ одной изъ обителей преподобна-го Сергія такъ-называемаго старчества, самаго удобнаго и спасительнаго пути для ревнующихъ о спасеніи, — который самъ онъ проходилъ въ Оптиной пустыни. Но этотъ путь требуетъ отъ проходящихъ его особенной вни-мательности: они должны постоянно имѣть предъ собою образъ наставника, заботясь о томъ, чтобы не потерять

1) Письмо написано было къ составителю записокъ.

вскорѣ собраннаго изъ наставленій его сокровища. По-этому-то весьма полезно во исполненіе заповѣди апостольской (Евр. 13, 7) вспомнить объ уважаемомъ старцѣ, бывшемъ наставникомъ многихъ изъ братіи не только Геесиманскаго скита, но и монашествующихъ изъ другихъ обителей и многихъ изъ мірянъ.

Этого напоминанія по силамъ и желали бы мы достигнуть посредствомъ настоящаго труда. Можетъ быть нѣкоторымъ читателямъ желательна была бы большая полнота свѣдѣній о событіяхъ внѣшней жизни старца или нѣкоторыхъ наставленій старца; но по самому характеру его подвига - затворничества, правильнаго и полнаго свѣдѣнія объ о. Александрѣ могли сообщить главнымъ образомъ лица, особенно близкія къ нему. Впрочемъ и настоящія сообщенія даютъ все-таки довольно полное представленіе о жизни и подвижничествѣ старца.

I.

О внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни о. Александра.

О. Иеросхимонахъ Александръ родился въ 1810 году и при крещеніи нареченъ Александромъ. Родители его Димитрій и Татьяна Стрыгины, жители города Козельска, Калужской губерніи, изъ рода казаковъ, были люди благочестивые, любили посѣщать храмъ Божій и совершать дѣла благотворительности. Близкіе и знавшіе о. Александра въ отрочествѣ ¹⁾ рассказывали, что онъ былъ отрокомъ весьма рѣзваго характера: бывало, бѣгаетъ по крышамъ,— того гляди, сломаешь себѣ голову; кто, бывало, дѣлаешь проказы по городу?— мальчикъ Александръ. Но этому рѣзвому отроку Господь судилъ впоследствии

¹⁾ Родственница отца Александра, монахиня Калужскаго монастыря Иларія.

быть уединеннымъ затворникомъ ¹⁾. Очень можетъ быть что благочестивое настроеніе отца и близость мѣстожителства его къ Оптиной пустыни, славившейся многими своими подвижниками, оставили благоприятные слѣды на духовномъ развитіи отрока Александра. Извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, слѣдующій случай. Когда отроку Александру исполнилось 12 лѣтъ, родитель его Димитрій въ одно время отправился на богомолье въ Оптину пустынь, которая лежитъ на разстояніи трехъ верстъ отъ г. Козельска. Въ это время пришлось ему увидѣть обрядъ и чинъ постриженія въ монашество. Этотъ трогательный обрядъ сильно повліялъ на него и, умиленный имъ до глубины души, онъ подумалъ: „что, если бы Господь сподобилъ хотя одному изъ моихъ сыновей ²⁾ послужить Богу въ монашествѣ, и какъ бы я былъ радъ, видя хотя одного сына своего монахомъ“ ³⁾.—Прійдя изъ монастыря домой, онъ сталъ рассказывать домашнимъ, что видѣлъ чинъ постриженія и слышалъ, какъ настоятель давалъ новопостриженному четки, говоря при этомъ: „пріими, брате, сей мечъ духовный и безпрестанно говори: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“ ⁴⁾. Услышавъ рассказъ отца, юный отрокъ Александръ часто началъ съ того времени повторять молитву Іисусову и находилъ въ томъ большое утѣшеніе. О. Александръ нерѣдко впоследствии рассказывалъ объ этомъ времени, прибавляя обыкновенно: „какое въ то время радостное я ощущалъ чувство!“ Когда, бывало, юноша Александръ пахалъ, то случалось, что отъ духовной радости онъ забывалъ всю тяжесть земледѣльческаго труда. Такъ было до 16-лѣтняго возраста; и едва ли будетъ ошибочнымъ сказать, что въ это именно время полагалось въ душѣ отрока Александра прочное основаніе для подвига всей

1) Замѣчательно, что то же самое было въ жизни другого знаменитаго подвижника — пресвященнаго Теофана-затворника: и онъ, подобно о. Александру, отличался въ дѣтскомъ возрастѣ большою рѣзвостью (*Душеполезное Чтеніе* 1894 г., кн. 11), въ статьѣ: „Семя и Егорушка“.

2) У него было два сына.

3) Впоследствии Господь иривель ему самому жить въ Геосиманскомъ скиту 19 лѣтъ, гдѣ онъ и скончался въ 1870 г. апрѣля 24 дня; при кончинѣ постриженъ въ монашество и нареченъ Діонисіемъ.

4) *Требникъ*, чинъ постриженія монаховъ.

послѣдующей жизни. Но то было благодатное утѣшеніе отъ молитвеннаго подвига, которое въ началѣ подвижничества Господь ниспосылаетъ всеѣмъ безъ труда, чтобы дать почувствовать сладость подвига и привлечь къ нему своего избранника. Данное безъ труда легко и теряется, какъ послѣ говаривалъ и самъ о. Александръ. „Каждому необходимо самому потрудиться для пріобрѣтенія сокровища, и тогда мы будемъ цѣнить его“. Время юности, а также и слѣдующіе годы и были для Александра временемъ подобнаго испытанія, пока, наконецъ, онъ не поступилъ въ Оптину пустынь. Къ обычнымъ искушеніямъ и соблазнамъ юношескаго возраста присоединилось еще то, что Александру, по домашнимъ обстоятельствамъ, пришлось поступить сидѣльцемъ въ питейное заведеніе ¹⁾. Рѣзвость и шалости дѣтства смѣнились теперь разсѣянною и разгульною жизнью. Недаромъ знакомые изъ города Козельска, когда о. Александръ только что поступилъ въ Оптину пустынь и до времени ходилъ въ мірской одеждѣ, видя его въ церкви и узнавъ, что онъ поступилъ въ монастырь, смѣялись между собою и говорили: „ну, монахъ будетъ“; — они, зная его разгульную жизнь, не думали, что онъ можетъ ужиться въ монастырѣ. Однако терніе житейскихъ соблазновъ и обольщеній не могло совершенно заглушить тѣхъ добрыхъ сѣмянъ, которыя еще въ дѣтствѣ были заложены въ душу отрока Александра. Вспоминая объ этомъ времени, о. Александръ такъ разсказывалъ о немъ:

«Тогда пустился я во вся злая. Былъ сидѣльцемъ, потомъ повѣреннымъ; женился, сынъ родился, съ женою жилъ 4 года, потомъ овдовѣлъ, послѣ этого уже вдовцомъ жилъ въ міру еще 2 года. Въ эту пору хотя и былъ обольщаемъ суетными прелестями міра сего, но все-таки часто вспоминалъ и воздыхалъ о Божіей благодати отъ совершенія молитвы Иисусовой, къ которой привыкъ въ отроческомъ возрастѣ. Въ послѣднее время стала мнѣ часто приходиться мысль и о приближающейся загробной

¹⁾ Вѣроятно, бѣдность родителей о. Александра понудила ихъ отдать сына въ питейное заведеніе, — тѣмъ болѣе, что содержателемъ заведенія былъ дядя о. Александра.

жизни и о грѣхахъ, тяготѣвшихъ на мнѣ. Боть это-то душевное сознание заставило меня искать, пока еще время позволяло, спасительнаго убѣжища въ какомъ-либо монастырѣ для всегдашняго покаянія и омовенія слезами передъ Господомъ всѣхъ мною содѣянныхъ прегрѣшеній. Не замедлилъ Господь даровать мнѣ мѣсто покаянія. Бывши въ Оптиной пустыни, я по совѣту тамошняго старца о. Леонида рѣшился непремѣнно поступить въ оную обитель».

Въ 1838 году, на первой недѣли Великаго поста, Александръ, 27 лѣтъ отъ роду, былъ уже принятъ въ обитель въ число братіи, и сталъ жить въ монастырскомъ послушаніи подѣ руководствомъ мудраго и опытнаго старца іеросхимонаха отца Леонида. Игуменомъ Оптиной пустыни тогда былъ о. Моисей, который и принялъ Александра въ число братіи. На первый разъ назначили ему послушаніе быть въ поварнѣ помощникомъ повара, а потомъ и поваромъ; всего онъ прожилъ на кухнѣ три года. Изъ кухни его перевели въ трапезную, и затѣмъ дали пономарское послушаніе.

Рѣшеніе поступить въ монастырь у Александра не явилось какъ бы внезапно: оно созрѣвало постепенно и укрѣплялось различными житейскими опытами. Важные изъ нихъ были особенно слѣдующіе два. О первомъ такъ передавалъ старецъ:

«Когда я жилъ еще въ міру и былъ уже вдовцомъ, то по должности повѣреннаго ѣзжалъ по разнымъ городамъ, селамъ и деревнямъ. Одинъ разъ пріѣхавши въ нѣкое село, я остановился на постояломъ дворѣ, подкрѣпившись пищею и помолившись Богу, я легъ спать; *вдругъ слышу*, что хозяйка постоялаго двора начала меня соблазнять. Мужа ея въ это время не было дома. Но помощь Божія сохранила меня отъ этого искушенія. Она повторила свое требованіе, и опять меня Господь сохранилъ отъ соблазна. На утро мы съ извозчикомъ отпавились въ дорогу; это было зимою и стояли большіе холода. Только что мы выѣхали изъ села, какъ пошелъ маленькій снѣжокъ, потомъ все сильнѣе и, наконецъ, онъ обратился въ сильную вьюгу. Дорогу занесло, и мы сбились съ пути и не знали, куда ѣхать. Одежда на мнѣ была плохая, одинъ барашковый

тулупъ да и тотъ потертый. Тогда то, видя, что смерть моя неминуема, и что, если Господь не сохранитъ, то я долженъ замерзнуть,—какихъ тогда только не принесъ я Господу молитвъ и обѣщаній! ¹⁾). И Господь услышалъ меня и сохранилъ отъ напрасной и неминуемой смерти. Послѣ долгихъ и безуспѣшныхъ стараній выбиться на дорогу, мы съ кучеромъ разошлись въ разныя стороны, надѣясь отыскать ее. Вдругъ вижу вдали двѣ тѣни; сначала я немного оробѣлъ, думая, что это звѣри какіе; но подошедъ поближе, я увидалъ, что это были два воза сѣна. Весьма обрадовался я сему и подовалъ кучера. Онъ побѣжалъ съ лошаdkю къ сѣну, и мы тутъ обогрѣлись и переночевали, а утромъ отправились въ путь. И думалъ я послѣ, что потому только и избавилъ меня Господь отъ неминуемой гибели, что я въ прошлую ночь, при Его всесильной помощи побѣдилъ грѣхъ сладострастія». — Старець уподоблялъ сей случай примѣру изъ житія Николая монаха (см. *Прологъ*, 24 декабря).

О другомъ случаѣ старецъ рассказывалъ:

«Я взялъ уже благословеніе у своихъ родителей на поступленіе въ монастырь. Это, какъ помню, было на Сырной недѣлѣ. Для развлеченія пошелъ я прогуляться по улицамъ своего города Козельска; довелось мнѣ случайно увидѣть кулачный бой; будучи до него большой охотникъ, при хорошей своей силѣ, я не утерпѣлъ и присоединился къ дерущимся. По окончаніи драки, хотя и былъ немного помятъ, но вздумалъ съ товарищами отправиться въ трактиръ, откуда возвратился домой, уже порядочно угостившись. На другой день, т.-е. въ чистый понедѣльникъ, утромъ матушка моя начала меня будить, говоря, что уже время отправляться въ монастырь. Я всталъ, надѣлъ тулупъ и пошелъ; а голова болитъ и бока тоже, и тутъ-то я въ сокрушеніи сердечномъ дорогою до обители вспоминалъ молитву Іисусову, которою занимался, когда еще былъ отрокомъ; съ этого времени опять, при помощи

¹⁾ Очень можетъ быть, что о. Александръ особенно почувствовалъ въ то время потребность покаяннаго подвига, какой удобно было проходить только въ монашествѣ, или можетъ быть даже думалъ о принятіи монашества.

Божіей, началъ усердно продолжать ее». — Старецъ, вѣроятно, потому нерѣдко впослѣдствіи вспоминалъ объ этомъ случаѣ изъ своей жизни, что всѣ подобные случаи научили его познавать свои немощи или «увидѣть себя» и, побуждая къ покаянію, привели къ оставленію суеты мірской жизни. Въ монастырѣ Александръ нашелъ полное успокоеніе своему духу. «Когда я былъ, говорилъ онъ послѣ, на кухнѣ въ Оптиной пустынѣ на послушаніи, то весьма утѣшался духомъ отъ молитвы Иисусовой; сидишь, бывало, на порогѣ кухни или келліи своей и безпрестанно творишь молитву, и отъ утѣшенія и радости подъ собою земли не чувствуешь». Было весьма важно то, что Александру, въ началѣ его поступленія въ монастырь, пришлось нѣсколько времени жить подъ руководствомъ мудраго наставника о. іеросхимонаха Леонида. Такъ, опытный старецъ удержалъ его между прочимъ отъ намѣренія юродствовать. Когда онъ былъ послушникомъ Оптиной пустыни, то у него было тогда сильное желаніе юродствовать, и даже снилось во снѣ, будто бы онъ ходитъ съ палкою по улицамъ. И вотъ разъ приходитъ онъ къ старцу о. Леониду и проситъ у него благословенія на этотъ подвигъ. Старецъ же отвѣчаетъ: «О, чадо, не твой это путь, и зѣло малъ этотъ полкъ» (т.-е. юродствующихъ). «Дѣйствительно, прибавлялъ о. Александръ отъ себя, разказывая объ этомъ, юродствующие сначала бывають по Бозѣ, но весьма рѣдкіе на семь пути устаивають». Но недолго пришлось Александру жить подъ руководствомъ наставника. 11 октября 1841 года послѣдовала кончина его руководителя въ монашеской жизни о. Леонида, достигшаго уже преклонныхъ лѣтъ (умеръ 72 лѣтъ). О. Александръ весьма скорбѣлъ, что лишился добраго и мудраго своего наставника; эта потеря была для него незамѣнима. И онъ нерѣдко впослѣдствіи высказывалъ своимъ ученикамъ, что некому открывать было ему свои помыслы, хотя и чувствовалась въ этомъ потребность. Проживъ въ Оптиной пустынѣ, по смерти о. Леонида, еще нѣсколько лѣтъ, — а всего, начиная съ поступленія, пять съ половиной лѣтъ, о. Александръ, по предложенію о. Антонія, игумена Николо-Черноостровскаго

монастыря¹⁾, перешель въ его монастырь—въ г. Малоярославцѣ Калужской губ. Здѣсь о. Александръ прожилъ также пять съ половиною лѣтъ и въ это время былъ постриженъ; сначала былъ рясофорнымъ, а затѣмъ и манатійнымъ монахомъ,—при постриженіи нареченъ Агапитомъ. Внутренняя жизнь его все еще по прежнему была тихою и невозмущаемою. «Когда я жилъ въ Никольскомъ монастырѣ въ г. Малоярославцѣ, воспоминалъ онъ, былъ понамаремъ тамъ и трапезнымъ, бывало иногда со мною такъ: сядешь съ вечера на стульчикъ съ молитвою и просидишь такъ до утра. Будильщикъ придетъ будить, я вскочу съ радостью, возьму ключи и пойду въ церковь; и въ такихъ случаяхъ наступающій день проходилъ всегда для меня радостно и весело. Замѣтивъ, что отъ сидѣнія на стулѣ отекали ноги, я садился на полъ. Когда я тамъ жилъ, то средствъ у меня было очень мало. Доходовъ не было никакихъ, чаю получалъ всего одну осмьмушку и полфунта сахару въ мѣсяцъ. Но несмотря на это я былъ покоенъ и за все благодарилъ Господа Бога». Но этотъ тихій потокъ внутренней, самой въ себѣ сосредоточенной жизни снова прерванъ былъ и возмущенъ потокомъ жизни болѣ шумной и разсѣянной. Въ 1849 году о. Агапитъ, по совѣту своего товарища и побуждаемый нерасположеніемъ къ нему братіи, подалъ прошеніе о переходѣ въ г. Харьковъ въ архіерейскій домъ, куда и былъ принятъ. Тамъ же онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а чрезъ годъ въ іеромонаха и при этомъ былъ назначенъ на должность эконома при архіерейскомъ домѣ. Прожилъ онъ тамъ не много болѣе двухъ лѣтъ. На этомъ новомъ мѣстѣ, при полной свободѣ располагать собою и своими дѣйствіями по своей волѣ, при большихъ доходахъ и другихъ соблазнахъ, о. Агапитъ незамѣтно началъ было свыкаться съ жизнью, которая была не чужда мірской суетности. «И вотъ, однажды, рассказывалъ объ этомъ впослѣдствіи о. Александръ, я подумалъ: прежде, когда я былъ послушникомъ, у меня было тогда одно только желаніе спасти душу; а теперь, что я дѣлаю? лѣность мною начала обладать. И этого я

1) О. Антоній былъ братъ игумена Оптиной пустыни о. Моисей.

убоялся; думаю: въ жизни погибну отъ нерадѣнія о своемъ спасеніи. Вскорѣ послѣ этого я подалъ прошеніе объ отпущкѣ на богомолье и, получивши разрѣшеніе, отправился. Слышалъ я тогда, что близъ Троице-Сергіевой Лавры вновь устроился скитъ Геесиманія, весьма удобный для безмолвія. Отправившись туда, я по дорогѣ заѣхалъ на свою родину; взялъ съ собою своего родителя Дмитрія и съ нимъ поступилъ въ число братства Геесиманскаго скита».

Это было въ 1851 году. Поступивъ въ скитъ по благословенію высокопреосвященнаго митрополита Филарета, о. Агапитъ началъ на свой счетъ строить тамъ себѣ келлію на пчельникѣ, по примѣру Георгія, затворника Задонскаго, для того, чтобы проводить жизнь свою въ безмолвіи. Впрочемъ, и по вступленіи въ безмолвіе о. Агапитъ наравнѣ съ прочією братією продолжалъ чреду священнослуженія, такъ какъ ему пока не было разрѣшено вступить въ совершенное безмолвіе. „Объ о. Агапитѣ, писалъ пр. Филаретъ о. намѣстнику Антонію, надобно вамъ и строителю знать, соответствуетъ ли его расположеніе и проводимая жизнь доннѣ благонадежному вступленію въ избираемый подвигъ безмолвія. Если сіе усмотрено, то Богъ благословитъ начинаніе, съ ограниченіемъ, вами предлагаемымъ. Если же находите, что еще требуется усмотрѣніе, то возьмите на сіе нѣкоторое время; а ему послушаніе въ семь вмѣнится въ начало подвига безмолвія.—(Письмо 838 ч. 3-я *Писемъ къ о. намѣстнику Антонію*, отъ декабря 14-го 1851 года). Дѣйствительно, вступленіе въ безмолвіе не прошло безъ искушеній. „Когда я жилъ въ скиту, говорилъ о себѣ старецъ, то у меня были такія скорби, что не знаю, какъ бы я могъ ужиться здѣсь, если бы со мной родитель не жилъ; мнѣ думалось, куда я пойду съ дряхлымъ и больнымъ старцемъ? поэтому только и остался въ скиту ¹⁾. Теперь я благодарю Господа Бога, что этимъ я удержалъ себя здѣсь. Теперь все умирилось, все прошло, и я

¹⁾ И къ устройенію келліи о. Агапита побуждала, кромѣ собственнаго желанія безмолвствовать, между прочимъ эта же преклонность дѣтъ и болѣзненность родителя.

съ любовію радъ обнять тѣхъ моихъ душевныхъ благодѣтелей (т.-е. чрезъ кого были скорби) ¹⁾, — и душевно готовъ благодарить ихъ за ихъ душѣ моей полезное благодѣяніе“. Тѣмъ не менѣ собственнымъ желаніемъ о. Агапита было удалиться въ совершенное безмолвіе. Но послѣднее все еще не находилъ благовременнымъ преосв. Филаретъ. „Для о. Агапита, писалъ онъ о. намѣстнику Антонію, по моему мнѣнію, хорошо настоящее его положеніе, въ которомъ онъ и безмолвіемъ питаться можетъ, и, какъ членъ братства, въ общее служеніе свою долю вносить, и тѣмъ очевиднѣе пріобрѣтаетъ право на общую о себѣ молитву. Я просилъ бы его побыть еще въ настоящемъ положеніи. Есть служеніе Богу и въ томъ, чтобы не сильно настоять на исполненіе своего, впрочемъ, добраго желанія и благодушно внять тому, что предлагается съ добрымъ намѣреніемъ и любовію“ (письмо 963 отъ декабря 28-го 1853 года). Въ 1858 году нѣкоторые изъ старцевъ скита перешли для большаго безмолвія въ глубь лѣса, за пять верстъ отъ скита, близъ мѣстности, называемой „Торбѣвкою“, — въ томъ числѣ и о. Агапитъ, какъ любитель уединенія. Тамъ старцы устроили себѣ часовню и келліи. Чрезъ нѣсколько времени нашелся благодѣтель, нѣкто Королевъ, Московскій купецъ. Онъ выстроилъ имъ церковь во имя Св. Духа Параклита, съ придѣломъ во имя св. Іоанна Крестителя Господня. На день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы въ Геосиманскомъ скиту въ Успенской церкви о. Агапитъ принялъ постриженіе великаго ангельскаго образа — схиму, и нареченъ опять Александромъ. Постригалъ его и принималъ отъ евангелія намѣстникъ Троицкой Лавры архим. Антоній.

1) Эти скорби происходили главнымъ образомъ отъ нерасположенія братіи къ о. Агапиту; многіе изъ братіи монастыря были выходцы изъ Молдавіи и вооружены были противъ старчества; а о. Агапитъ пришелъ въ Геосиманскій скитъ изъ Оптиной пустыни, въ которой, напротивъ, старчество тогда процвѣтало. Случалось, напримѣръ, между прочимъ, что къ келліи о. Агапита зимою не привозили дровъ или не дѣлали въ ней починокъ, когда онъ требовался и т. п. — подъ тѣмъ предлогомъ, что, если о. Агапитъ самъ устроилъ себѣ келлію, то самъ и долженъ заботиться о ней.

Черезъ нѣсколько времени о. Александръ сталъ просить о. намѣстника о томъ, чтобъ онъ благословилъ выстроить келлію для его келейника. О. намѣстникъ ничего ему на этотъ разъ не отвѣтилъ. Когда же о. Александръ повторилъ свою просьбу, то о. Антоній сказалъ: „О. Александръ, прошу тебя, пожалуйста, перейди опять въ скитъ, потому что въ скиту осталась болѣе молодежь, надо тамъ поддерживать духъ монашества“. О. Александръ повинувшись своему духовному отцу, въ 1861 году перешелъ обратно въ скитъ. Въ пустыни Параклита онъ прожилъ всего три года. Многіе изъ братіи скита ходили къ нему за совѣтами или для того, чтобы найти утѣшеніе въ своихъ скорбяхъ, и тѣ, которые имѣли къ нему расположеніе, получали отъ его бесѣды облегченіе и утѣшеніе, ибо старецъ былъ наставникъ мудрый ¹⁾. Но этимъ самымъ обѣтъ его безмолвія нарушился, а потому, желая съ своей стороны исполнить сей обѣтъ, движимый Божиимъ призваніемъ, онъ началъ просить о. намѣстника Антонія, чтобы онъ благословилъ его удалиться въ пещеры при Геосиманскомъ скитѣ въ затворъ. О. Антоній доложилъ о семъ преосвященному митрополиту Филарету, который, благословивъ о. Александра испытывать себя, повелѣлъ ему три мѣсяца никуда не выходить изъ келліи своей, съ тѣмъ чтобы по окончаніи этого срока доложить его преосвященству, какъ о. Александръ будетъ себя чувствовать. Съ послушаніемъ и любовію исполнилъ о. Александръ назначенный срокъ затвора, и только тогда преосвященный Филаретъ благословилъ его на полное затворничество, которое онъ и началъ въ 1862 году 23 ноября.

Очевидно, пр. Филаретъ и о. намѣстникъ Антоній видѣли въ желаніи о. Агапита поступить въ затворъ Божіе призваніе. Иначе они никогда не благословили бы о. Агапита на затворъ. О. намѣстникъ, какъ извѣстно, былъ старецъ мудрый, и самъ пр. Филаретъ нерѣдко обращался къ нему за совѣтами или спрашивалъ его мнѣнія.

¹⁾ Во время пребыванія о. Агапита въ пещерахъ митрополитъ Филаретъ благословилъ его принимать къ себѣ и на исповѣдь.

Кромѣ того, о. намѣстникъ постригаль о. Агапита въ схиму и потому хорошо зналъ его: о. Агапитъ былъ любимымъ его духовнымъ сыномъ. И самъ о. Агапитъ, предъ тѣмъ какъ рѣшился на затворъ, не мало испытывалъ себя и обдумывалъ свое рѣшеніе. Объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующіе его рассказы своимъ ученикамъ:

„Когда я былъ въ Оптиной пустыни, то тамъ жилъ одинъ іеромонахъ съ острова Валаама, по имени Варлаамъ. Онъ намъ разсказалъ слѣдующее: — „жилъ при немъ на Валаамѣ въ пустыни одинъ схимонахъ, а ученикъ его, рясофорный монахъ, жилъ въ монастырѣ и носилъ ему оттуда пищу. И вотъ постигло этого ученика какое-то искушеніе, и настоятель снялъ съ него рясофоръ. Очень оскорбился старецъ схимонахъ, узнавъ, что ученика его такъ обезчестили, и самъ пошелъ въ монастырь защищать его. При этомъ онъ не надѣлъ приличнаго своему сану одѣянія и пошелъ только въ одномъ подрясникѣ. Братія въ это время собиравась идти въ транезу обѣдать. Замѣтивъ старца, они говорили ему: „что же вы не въ клобукѣ, сейчасъ вѣдь придетъ о. игумень?“ Старецъ же въ отвѣтъ на это сталъ выражать свое негодованіе. Доложили о. игумену. Игумень, пришедши, поздравилъ старца и спросилъ, что ему нужно, и почему онъ пришелъ безъ клобука? Старецъ въ отвѣтъ продолжалъ выражать свое негодованіе по поводу того, что его ученика такъ оскорбили. Игумень, видя такое неуваженіе къ власти, сейчасъ же велѣлъ эконому монастырскому отправить старца для смиренія на кирпичный заводъ дѣлать кирпичи, что и было исполнено. Послѣ сего случая оный старецъ пришелъ въ такое смиреніе и послушаніе, что бывало, какъ только увидитъ издали еще о. игумена, бѣжитъ къ нему на встрѣчу и благодаритъ его за благодѣяніе, которое тотъ оказалъ его душѣ, потому что онъ, живя въ безмолвіи, не зналъ, какой мечтательности о себѣ и гордости предавался“.

Тотъ же Варлаамъ передавалъ намъ и такой случай: „Одинъ братъ жилъ тамъ же въ нѣсколькихъ верстахъ отъ монастыря въ пустынной келліи. Однажды, окончивъ свое вечернее правило и совсѣмъ раздѣвшись, онъ легъ

въ постель, и видить: входитъ къ нему множество бѣсовъ, и начали его душить, и такъ сильно душили, что онъ едва переводилъ духъ. Вдругъ являются двое свѣтопосныхъ юношей и грозно кричатъ на бѣсовъ: „Ахъ вы, ненавистники рода христіанскаго, какъ вы смѣете душить сего раба Божія? Оставьте его“. Потомъ подходятъ къ нему, освобождаютъ его отъ бѣсовъ и говорятъ: „пойдемъ отсюда въ монастырь вашъ, а то здѣсь они тебя совсѣмъ задушатъ“. Инокъ оный былъ такъ благодаренъ симъ мнимымъ ангеламъ, своимъ избавителямъ, что, не разсуждая, послѣдовалъ за ними, какъ былъ, т.-е. въ одной рубашкѣ и босой. А въ это время стояла зима и былъ сильный морозъ. Глубокой ночью три версты шель онъ до монастыря, весь перемерзъ. Мнимые избавители подвели его къ монастырскимъ воротамъ, а сами исчезли. Тутъ - то только увидѣлъ онъ, что былъ поруганъ, онъ страшно озябъ, изнемогъ, чуть не замерзъ. Началъ стучаться въ монастырскія ворота; покуда разбудили сторожа и достали ключи, нашъ иннокъ остался чуть живъ. Только два дня прожилъ онъ послѣ этого случая и умеръ“.

— „Вотъ какъ опасно надо беречь себя отъ искушній врага, который всегда ищетъ нашей погибели“ — прибавилъ отъ себя о. Александръ.

Третій рассказъ относится къ тому времени, когда о. Агапиту поселился уже въ пещерахъ; тогда былъ у него одинъ аеонскій іеросхимонахъ, который сообщилъ о. Агапиту про такой случай, бывший на Аеонѣ:

„Въ нѣкоемъ маломъ аеонскомъ монастырѣ одинъ новоначальный иннокъ, вопреки совѣту старца, удалился въ затворъ и началъ жить въ уединеніи. И вотъ что съ нимъ случилось: въ одно время слышитъ онъ стукъ въ дверь, спрашиваетъ, ему никто не отвѣчаетъ. И такъ это случилось не одинъ разъ. Наконецъ стукъ этотъ ему надоѣлъ. Однажды отъ этого стука онъ такъ разгнѣвался, что схватилъ топоръ, растворилъ дверь и погнался за бѣжавшимъ, повидимому, человѣкомъ. Гонялся онъ за нимъ по скаламъ и кустамъ, весь исцарапался о кусты и, наконецъ, упалъ со скалы въ пропасть; а тотъ, за коимъ онъ гнался сдѣлался невидимъ. И какъ только рассказалъ

этотъ бѣдный братъ о своемъ несчастіи въкоторымъ, онъ умеръ. И такихъ примѣровъ на Аeonъ много“, — заключилъ Аеонецъ.

Въ пещерахъ въ затворѣ о. Александръ прожилъ три года, отъ 23-го ноября 1862 года до 9-го марта 1865 года. Пещеры оставилъ онъ не по своей волѣ, но былъ вызванъ изъ затвора властію, такъ какъ, живя въ сырмъ пещерномъ воздухѣ, онъ сильно захворалъ, именно открылась у него сильная грыжа, а затѣмъ ослабли зубы въ деснахъ; сверхъ всего этого еще опухли ноги. „Зубы хотя всѣ бери и тащи изъ десенъ безъ всякой боли“ — говорилъ потомъ самъ о. Александръ. Хотя о. Александру и не хотѣлось выходить изъ затвора, но онъ былъ покорень волѣ преосвященнаго Филарета и о. намѣстника Антонія и по совѣту ихъ перешелъ опять въ скитъ въ свою прежнюю келлію. Въслѣдствіи о. Александру хотѣли вручить начальство надъ киновіею (близъ Геосиманскаго скита), но онъ уклонился отъ этого порученія. Преосвященный Филаретъ писалъ по этому поводу намѣстнику Лавры, о. Антонію:

„Жаль мнѣ, что дается о. Александру занятіе, которымъ уменьшится его безмолвіе. Мирно ли принимаетъ онъ сіе порученіе? Миръ Господень съ нимъ и въ безмолвіи и въ дѣлѣ послушанія и братолюбія“. (Письмо 1675 отъ октября 25-го 1867 г.).

„О. Александра лучше было бы спросить о начальствѣ надъ киновіею предварительно, чтобы не писать опредѣленія о семъ напрасно. Его отказъ и послѣ опредѣленія принять можно: но лучше бы не показывать примѣра, что можно отказываться отъ послушанія по опредѣленію собора“ (1678-е ноября 2-го дня 1867 года).

Такъ какъ въ скиту опять начали къ о. Александру приходять очень многіе изъ братіи за совѣтомъ и чрезъ это нарушали его безмолвіе, то онъ сталъ просить о. намѣстника о благословеніи на затворъ. О. намѣстникъ Антоній благословилъ на этотъ разъ ему затвориться при церкви Воскресенія Христова, что на кладбищѣ въ скиту. Когда о. Александръ уже отдѣлалъ келлію для затвора, то онъ въ послѣдній разъ поѣхалъ на свою родину. Между

прочимъ онъ былъ у преосвященнаго Калужскаго ¹⁾. Тотъ замѣтивъ простоту о. Александра, предлагалъ ему настоятельство въ одномъ монастырѣ, говоря, что любитъ простыхъ. Но о. Александръ отвѣтилъ на это преосвященному: „я приготовилъ уже себѣ гробъ“ (келлію для затвора). Въ 1871 году 1-го августа о. Александръ отслуживъ раннюю обѣдню въ Успенскомъ храмѣ, перешелъ въ эту келлію и затворился, и прожилъ въ ней до самой своей блаженной кончины, послѣдовавшей въ 1878 году, февраля 9-го дня. О своемъ послѣднемъ затворничествѣ самъ старецъ такъ иногда рассказывалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: „Когда я поступилъ въ эту келлію, то испытывалъ необыкновенное томленіе духа, сильно былъ боримъ помыслами, думая: неужели такая мука будетъ въ будущей жизни? Къ тому же въ келліи моей было моли такъ много, какъ комаровъ въ лѣтнее время, но потомъ чрезъ нѣсколько времени все это прошло, мысли успокоились, и моль пропала“. За семь мѣсяцевъ до кончины о. Александра Богъ послалъ ему испытаніе, дабы могъ онъ искутиться, яко злато въ горниль. По кончинѣ о. Антонія враги о. Александра предложили новому о. намѣстнику, архимандриту Леониду испытать и искутить о. Александра. О. намѣстникъ Леонидъ, незнавшій еще близко о. Александра, приказалъ чрезъ игумена о. Анатолія сказать о. Александру, чтобы онъ выходилъ изъ своего затвора въ трапезу и церковь вмѣстѣ съ братією каждую субботу причащаться св. Тайнъ, и только пять дней въ недѣлю дозволилъ ему безмолствовать. Это было 9-го іюля 1877 года. О. Александръ принялъ все это съ покорностію и любовію и началъ, какъ было сказано ему, ходить въ храмъ и исправлять указанное ему. О. Леонидъ, самъ ученикъ оптинскихъ старцевъ Леонида и Макарія, оцѣнилъ послушаніе о. Александра: „вотъ это хорошо, говорилъ онъ, это показываетъ, что о. Александръ—монахъ достойный своего имени“. Что испытывалъ о. Александръ, получивъ новое распоряженіе, объ этомъ онъ такъ рассказывалъ:

1) Григорія (Миткевича), сконч. въ 1881 году.

„Когда я вышелъ въ первый разъ въ церковь ко всенощной (это было на 10 іюля, на память св. Антонія Печерскаго; всенощное бдѣніе было въ пещерахъ), то былъ весьма утѣшенъ духомъ и даже не припомню въ жизни моей, чтобы такое утѣшеніе со мною когда-нибудь случалось; слыша пѣніе и чтеніе, я весьма услаждался духомъ; но, конечно, во мнѣ произошелъ при этомъ какъ бы переломъ, ибо лишиться вдругъ мною любимаго безмолвія было не легко“. Послѣ Евангелія и канона о. Александръ вошелъ въ алтарь, дабы принять благословеніе отъ новаго о. намѣстника. О. намѣстникъ, увидя о. Александра, поздоровался съ нимъ, обнялъ его и благодарилъ за его послушаніе и обѣщалъ споспѣшествовать его спасенію.—Въ исполненіе повелѣнія о. намѣстника, такимъ образомъ, онъ до самой своей кончины каждую субботу приобщался св. Христовыхъ Тайнъ; въ дванадцатые же праздники о. Александръ съ о. намѣстникомъ и о. игуменомъ служилъ соборнѣ и, какъ было замѣтно, весьма утѣшался этимъ. „Если бы, говаривалъ онъ близкому своему духовному сыну, Господь сподобилъ меня пожить такъ лѣтъ пять, хорошо бы это было; чувствую для души моей пользу“. Въ концѣ декабря 1877 года о. Александръ почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ: именно, онъ простудился. Но онъ не лѣчился, какъ поступалъ вообще всегда, такъ какъ имѣлъ большое упованіе на Господа и отъ Него чаялъ себѣ тѣлеснаго и душевнаго здравія. Во время болѣзни пришелъ къ нему одинъ его духовный сынъ и спросилъ: „какъ вы, батюшка, себя теперь чувствуете?—Старецъ на это отвѣчалъ ему, что духомъ онъ покоенъ, хотя и чувствуетъ въ тѣлѣ расслабленіе.—Вскорѣ болѣзнь эта прошла. О. Александръ сталъ здоровъ; только, какъ и прежде, около года онъ чувствовалъ, что нѣтъ уже въ немъ прежней тѣлесной крѣпости.

День 28-го января былъ суббота (1878 г.), и о. Александръ, по обычаю своему, былъ у ранней обѣдни и принималъ св. Тайны. Послѣ обѣдни келейникъ принесъ ему небольшой кусочекъ соленой рыбы; закусивши и напившись чаю, онъ почувствовалъ сильную жажду, такъ

какъ по причинѣ сухояденія желудка у него былъ постоянно тощій. Не дождавшись на этотъ разъ келейника, который всегда приходилъ къ нему около 11 час. утра, чтобы принести обѣдъ, о. Александръ самъ пошелъ въ трапезу за квасомъ; между тѣмъ послѣдній только незадолго предъ тѣмъ принесенъ былъ прямо съ погреба и былъ очень холоденъ. Онъ почерпнулъ въ кружку холоднаго квасу и отъ сильной жажды въ одинъ почти приемъ выпилъ ее всю. Въ то же время онъ почувствовалъ боль въ желудкѣ, но положившись по обыкновенію на волю Божию, онъ и на этотъ разъ не сталъ лѣчиться чѣмъ бы то ни было. Вскорѣ оказалось, что въ желудкѣ у него сдѣлалось сильное воспаленіе, но о. Александръ при всемъ томъ по силѣ перемогалъ себя. 2-го февраля въ день Срѣтенія Господня онъ опять ходилъ въ церковь и приобщался св. Тайнъ за позднею обѣднею, а послѣ обѣдни обѣдалъ съ братіею въ трапезѣ. 3-го же числа онъ сталъ себя чувствовать хуже и едва уже ходилъ по келліи, 4-го числа совсѣмъ слегъ въ постель, 5-го сталъ еще слабѣе; 3-го числа былъ у него его духовный сынъ, іеромонахъ Мелетій (скончавшійся въ Троицкой Лаврѣ 27-го сентября 1882 года), пилъ съ нимъ чай и слышалъ отъ о. Александра, въ простотѣ сердечной говорившаго: „ахъ, о. Мелетій, много ко мнѣ сегодня стучалось; но я сидѣлъ на постели, творя спокойно Иисусову молитву; какъ хорошо всегда имѣть оную при себѣ; да еще кто почаще на себѣ крестное знаменіе полагаетъ—очень хорошо, и чувствую я, что душа моя въ отрадномъ чувствѣ находится“... И съ такимъ смиреніемъ и упованіемъ онъ рассказывалъ это, что, казалось, онъ какъ бы уже получилъ залогъ будущей вѣчной жизни при концѣ своей здѣшней временной. Пятаго числа было воскресенье. Въ этотъ день былъ у него духовникъ и говорилъ ему: „О. Александръ, не желаешь ли еще приобщиться св. Тайнъ?“ Онъ говоритъ духовнику: „Батюшка, слава Богу, меня Господь сподобилъ въ четвергъ 2-го числа причаститься св. Тайнъ, и я думаю подождать еще до среды или четверга, а если и случится что особенное... я чувствую себя, что духомъ я спокоенъ; прошу только о мнѣ ва-

шихъ св. молитвъ“. Эти слова слышали три духовные сына его: іеросхимонахъ Іоаннъ, іеромонахъ Мелетій и келейникъ его монахъ Германъ, такъ какъ этотъ разговоръ былъ при нихъ. Шестого числа въ понедѣльникъ сталъ о. Александръ чувствовать себя еще слабѣе. Пришелъ навѣстить его о. игумень. При о. игуменѣ онъ собралъ свои послѣднія силы и вышелъ въ приемную комнату; идти одинъ уже не могъ онъ; съ одной стороны его поддерживалъ келейникъ, а другою рукою опирался старецъ на костыль. О. игумень соболѣзнуя сказалъ ему: „О. Александръ, какъ ты ослабѣлъ; давно ли я видѣлъ, какъ ты шелъ по монастырю молодцомъ?“ О. Александръ на это отвѣчалъ: „Батюшка, человѣкъ, яко трава“. Игумень: „Много ли тебѣ лѣтъ?“ О. Александръ: „шестьдесятъ осьмой годъ“. Поговорили еще кое о чемъ, и о. игумень ушелъ. Вечеромъ этого же дня пришли къ нему трое его чадъ духовныхъ и, замѣтивъ, что онъ сталъ уже забываться, тотчасъ же дали знать о. игумену и по благословенію его начали совершать надъ о. Александромъ таинство елеосвященія. Седьмого числа утромъ ему стало какъ бы полегче, только съ присутствующими онъ мало говорилъ, и къ тому же языкъ у него началъ ослабѣвать, по самъ онъ былъ въ совершенной памяти, и было замѣтно, какъ усиленно онъ творилъ внутреннюю молитву. 7-го февраля навѣститъ больного о. Александра изъ пустыни Параклита настоятель о. Никандръ и говорилъ о. Александру: „О. Александръ, тебѣ еще рано умирать, надо еще пожить; ты человѣкъ еще не старый“. О. Александръ отвѣчаетъ ему: „Да будетъ воля Господня, какъ Господу Богу будетъ угодно, такъ и сотворитъ со мною“... Часа въ три по полудни (это было во вторникъ) всѣ вышли изъ келліи, и остался онъ одинъ только съ келейникомъ. Началъ онъ возлѣ своей постели стоя молиться, а келейникъ съ лѣвой стороны сбоку поддерживалъ его; при этомъ замѣтно было келейнику, какъ уста старца шептали молитву, и какимъ глубокимъ сердечнымъ сокрушеніемъ весь онъ былъ проникнутъ. Потомъ облокотился старецъ на лѣвую сторону къ келейнику; келейникъ говоритъ ему: „Батюшка, благословите посадить

вась на постель; вамъ такъ удобнѣе будетъ“. О. Александръ сѣлъ на постель и, какъ было замѣтно, въ это самое время у него отнялась лѣвая рука и лѣвая нога. За сямъ онъ благословилъ своего келейника, легъ на спину на постели, закрылъ глаза и тридцать шесть часовъ лежалъ въ такомъ положеніи, во все это время крестился безпрестанно. Только за нѣсколько часовъ предъ кончиною рука замѣтно ослабѣла, члены стали холодѣть, о. Александръ пересталъ креститься и мирно почилъ о Господѣ.

Кончина старца послѣдовала въ 2 часа 20 минутъ по полуночи (въ это время въ церкви шла полунощница, на день св. Никифора мученика). Прочитана была трижды предъ кончиною старца отходная, 10-го февраля соборомъ по немъ совершена заупокойная литургія, также и отпѣваніе.

Погребено тѣло о. Александра на скитскомъ кладбищѣ, близъ церкви Воскресенія Христова, и на могилѣ его духовными дѣтьми положенъ мраморный памятникъ-плита съ надписью на одной сторонѣ: „Здѣсь погребено тѣло раба Божія, іеросхимонаха о. Александра, скончавшагося 9 февраля 1878 года, на 68 году отъ рожденія, жившаго въ монастырѣ 40 лѣтъ, изъ нихъ въ затворѣ 10 лѣтъ“, а на другой сторонѣ: „Постничествомъ работавшаго тебѣ, Христе, и православіемъ на землѣ прослави, Спасе, на небесѣхъ!“

II.

Отличительныя черты внутренней жизни старца и его подвижничества вообще.

Старецъ о. Александръ всегда былъ въ покаянномъ настроеніи духа; вниманіе его постоянно было направлено къ тому, чтобы „зрѣть свои прегрѣшенія“. Онъ говорилъ ученикамъ своимъ, что „увидѣть себя“ всего важнѣе для человѣка. Потому-то, вѣроятно, о. Александръ выписалъ изъ отеческихъ твореній различныя мѣста, глубоко проникнутыя покаяннымъ чувствомъ, заимствованныя глав-

нымъ образомъ у великаго учителя покаянія, пр. Ефрема Сирина. Эти выписки найдены въ келліи о. Александра послѣ его смерти.

По причинѣ постояннаго созерцанія своихъ немощей старецъ всегда плакалъ и сокрушался о своихъ грѣхахъ; находился ли онъ въ келліи, или внѣ ея, всегда были на ланитахъ его слезы, и онъ часто рукою отиралъ ихъ съ лица. Внимая самому себѣ, старецъ не былъ краснорѣчивъ въ бесѣдѣ, мало говорилъ, болѣе молчалъ и подавалъ для всѣхъ поучительный примѣръ молчанія, отсутствія суетности и развлеченія житейскими дѣлами. Онъ часто говаривалъ, что плохое молчаніе лучше хорошаго разговора. А въ особенности не любилъ онъ злословія, именно когда кто кого порицаетъ и осуждаетъ. Самъ же онъ очень опасно хранился отъ осужденія ближнихъ. Когда кто-нибудь изъ его чадъ увлечется при немъ осужденіемъ, то онъ сейчасъ же старался заговорить про другое или скажетъ: перестанемъ-ка мы пересыпать изъ пустого въ порожнее, или замолчить и тѣмъ прекратить бесѣду. Онъ на дѣлѣ исполнялъ то, о чемъ просилъ Господа словами молитвы пр. Ефрема Сирина: „Ей, Господи, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего“. Умъ его постоянно былъ занятъ молитвою и обращенъ къ Богу и горнему отечеству. Еще за двадцать два года до своей кончины сдѣлалъ онъ себѣ гробъ, который стоялъ у него въ самой келліи. Онъ часто взглядывалъ на него и плакалъ, помышляя о смерти. Впрочемъ скорбь старца о грѣхахъ никогда не производила въ душѣ его унынія. Напротивъ, онъ былъ исполненъ духовной радости, и потому-то для другихъ лицо его всегда сіяло радостью; всегда онъ былъ ко всѣмъ привѣтливъ и ласковъ, въ скорбяхъ утѣшительнъ и сострадательнъ.

Радость эта проистекала отъ занятія молитвой Іисусовой, которую старецъ совершалъ непрестанно. Былъ у него въ келліи низенькій стулъ, и онъ просиживалъ на немъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ съ молитвой Іисусовой на устахъ. Онъ такъ привыкъ къ молитвѣ Іисусовой, что почти и дышалъ ею; даже во снѣ уста его шептали святыхъ слова, только развѣ когда умъ его ослабѣвалъ, онъ

дозволялъ себѣ, какое-нибудь малое рукодѣліе (например, перебирать или пилить дрова, находившіяся въ коридорѣ) и то не надолго, но какъ только умъ его собирался, онъ опять начиналъ творить молитву Іисусову. Спросилъ его однажды его духовный сынъ: „Батюшка, когда вы обучались молитвѣ Іисусовой, вы выбирали ли себѣ удобное мѣсто, напримеръ, стулъ или что-нибудь другое?“ — Да, сказалъ старецъ, тогда выбиралъ, а теперь вездѣ мнѣ хорошо, гдѣ ни сяду, вездѣ получаю спокойствіе моему духу; времени не вижу, оно течетъ такъ скоро, какъ будто бы летитъ, а прежде, когда только еще обучался молитвѣ, мнѣ казалось, что время идетъ весьма долго“ ¹⁾. Еще рассказывалъ келейникъ старца: „бывало, пойдешь ко всенощной и зайдешь къ старцу, — онъ сядетъ при мнѣ на стулъ; уйдешь ко всенощной и по окончаніи службы опять зайдешь къ старцу, а старецъ все сидитъ на томъ же мѣстѣ съ молитвою. Услыша шумъ, онъ подниметъ голову и, увидя меня, какъ бы удивится и спроситъ: „неужели всенощная отошла? Мнѣ думалось, что я только-что сѣлъ, а времени прошло уже четыре часа“. Когда ему случилось быть въ какомъ-нибудь собраніи или служеніи, и когда что-либо случится тамъ, и всѣ обратятъ вниманіе на это, онъ бывалъ настолько сосредоточенъ въ себѣ и углубленъ въ молитву, что ничего происходящаго вокругъ не замѣчалъ. Кто-нибудь послѣ придетъ къ нему и станетъ спрашивать: „Вы, батюшка, вѣроятно, замѣтили то или другое? Вѣдь это при васъ было?“ А онъ скажетъ, что ничего не замѣтилъ.

Однажды къ о. Александру пришелъ мірской человѣкъ и началъ говорить различныя мерзости и про себя и про другихъ. Въ то время въ келліи старца былъ келейникъ его; онъ не вытерпѣлъ того, что пришлось ему слышать отъ рассказчика и, не желая долѣе слушать, вышелъ. Послѣ келейникъ, пришедши къ старцу, спросилъ его:

¹⁾ Были между прочимъ у старца въ келліи часы, которые очень стучали, и одинъ изъ учениковъ спрашивалъ старца, не мѣшаютъ ли ему часы занимать молитвою Іисусовою. Старецъ отвѣчалъ: „Прежде очень мѣшали, и много я съ ними нянчился, то изъ келліи вынесу, то опять внесу; а теперь даже вовсе не замѣчаю, какъ будто ихъ у меня и нѣтъ.“

„Батюшка, простите, я соблазнился, слыша слова которыми говорилъ вамъ тотъ мірянинъ; я думалъ и вамъ слушать это мерзостно?“ О. Александръ на это отвѣчалъ ему: „Я не слыхалъ ни слова“, въ это время умъ старца былъ занятъ молитвою,—„и ты хорошо сдѣлалъ, что ушелъ; не нужно бы совсѣмъ слушать съ самаго начала: немощные духомъ бѣгаютъ отъ этого“. И подобныхъ ему случаевъ было много. А иногда бывало такъ: старца что-либо спросить, а онъ не отвѣчаетъ, потому что умъ его занятъ молитвою, и услышитъ только тогда, когда рѣчь повторять еще разъ; при семъ невольно вспоминается одинъ святой, къ которому въ то время, какъ онъ былъ занятъ молитвою, пришелъ кто-то кушать корзины; святой до трехъ разъ забывалъ ему отвѣчать и потомъ уже началъ себѣ говорить: „корзины, корзины, чтобы опять не забыть“. Можетъ быть, это услажденіе отъ молитвы Иисусовой разумѣлъ старецъ, когда впоследствии рассказывалъ своимъ ученикамъ: „Зналъ я одного брата (подъ именемъ брата старецъ иногда подразумѣвалъ самого себя), который, когда ему случалось вкушать медъ, не чувствовалъ сладости его... Еще зналъ я брата, который, когда шелъ вмѣстѣ съ братіею въ трапезу, то плакалъ, что теряетъ утѣшеніе духовное чрезъ мамону, — т. - е. пищу“. Конечно, старецъ достигъ такого навыка къ молитвѣ Иисусовой не безъ труда. „Зналъ я, говорилъ онъ (опять подразумѣвая самого себя), одного брата, который, когда нудилъ себя къ молитвѣ Иисусовой, то ему было такъ трудно, что онъ скорѣе былъ согласенъ камни ворочать, лишь бы не творить молитвы. Онъ сильно былъ смущаемъ мыслию, что, творя эту молитву, онъ погубитъ свой умъ. Но несмотря на это, братъ возложилъ твердое упованіе на Бога и продолжалъ творить ее: „помереть да съ Богомъ“, говорилъ онъ себѣ. Скоро явилась брату тому помощь Божія, и какъ бы чешуя свалилась съ глазъ его. Тогда-то позналъ онъ другую жизнь, а вмѣстѣ съ нею и самого себя, и сказалъ онъ тогда: „Блажь и милостивъ Господь Богъ нашъ, сотворивый со мною милость сію“. Поучительно было смстрѣть на о. Александра, какъ онъ принуждалъ себя къ молитвѣ во время своей тяжелой

болѣзни. Отъ сильнаго внутренняго воспаления о. Александръ только все ворочался на одрѣ своемъ и безпрестанно крестился и самъ благословлялъ свой одрѣ, и ни разу не испустилъ ни стога, ни вздоха, ни ропота, но подобно твердому адаманту молча и мужественно переносилъ ниспосланную ему отъ Господа Бога болѣзнь. Внимая постоянно себѣ и занимаясь молитвой Иисусовой, о. Александръ въ затворѣ мало читалъ книгъ. Духовныя дѣти спрашивали его: „Батюшка, вы прежде читали ли книги?“ На это онъ имъ отвѣчалъ: „прежде читалъ ихъ много, но теперь мало, потому что нашелъ полезнѣе заняться молитвою Иисусовой, теперь читаю изрѣдка, когда умъ ослабѣваетъ“. Однако онъ не отвергалъ пользы отъ чтенія хорошихъ книгъ. Напротивъ, онъ говорилъ: „человѣкъ стоитъ, а книги, какъ столбы, поддерживаютъ его. Совѣтовалъ онъ читать болѣе житія святыхъ отецъ, книгу Иоанна Лѣствичника, св. Аввы Дорофея, семь словъ Макарія Египетскаго, и вообще тѣ книги, которыя учатъ побѣждать страсти. Старецъ имѣлъ только слѣдующія богослужебныя и назидательныя книги: 1) Слѣдованную Псалтирь, 2) Евангеліе, 3) Апостоль, 4) Служебникъ чина литургій, утрени и вечерни, 5) Печерскій патерикъ, 6) Творенія св. Исаака Сирина, 7) Иоанна Лѣствичника, 8) Аввы Дорофея, 9) Аввы Исаіи, 10) Семь словъ Макарія Египетскаго, 11) Плачь инока — сочиненіе епископа Игнатія Брянчанинова, 12) Письма Георгія затворника, 13) Житія святыхъ въ мелкихъ книгахъ, 14) Марка подвижника, 15) Алфавитъ духовный св. Димитрія Ростовскаго чудотворца, 16) Требникъ, 17) Жизнеописаніе старца Серафима Саровскаго съ присовокупленіемъ правилъ о молитвѣ Иисусовой; болѣе же не имѣлъ никакихъ, Октоиха и Минеи мѣсячной у него не было, хотя онъ къ перковной службѣ и не ходилъ. Молитва Иисусова замѣняла ему все остальное. Говаривалъ старецъ часто: „въ древнее время многіе подвижники и вовсе грамоты не знали, а Господу Богу угодили и просіяли, яко свѣтила на земли. Таковы Павелъ Препростый, преподобный Памва, Пименъ Великій и другіе святые угодники Божіи. Однако о. Александръ, несмотря на то, что мало читалъ

книгъ, въ послѣдніе годы своей жизни признавался близкимъ ученикамъ своимъ: „и я прежде нудилъ себя понимать смыслъ Священнаго Писанія, но теперь, если стану читать псалмы или что другое, то умственному взору открываются великія премудрости Божіи, сокрытыя въ писаніи“. Старець часто приводитъ мѣста изъ житія св. Нифонта, епископа Константина града, память коего празднуется 23-го декабря, также изъ житія св. мученика Вонифатія, празднуемаго 19-го декабря. Еще любилъ старецъ то мѣсто изъ житія св. Андрея, Христа ради юродиваго, гдѣ повѣствуется, какъ св. ангель предлагалъ три вѣнца тому, кто будетъ бороться съ эѳіопомъ, и какъ св. Андрей боролся съ эѳіопомъ и запылъ ему ногу.

Для занятія молитвою Іисусовой о. Александръ считалъ необходимымъ уединеніе, — по крайней мѣрѣ лично для себя. Онъ говаривалъ близкимъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: «когда я сталъ въ послѣднее время выходить въ трапезу обѣдать съ братією, то, пришедши послѣ трапезы въ келлію, чувствовалъ, что не могу привести умъ мой въ настоящее молитвенное состояніе, и это продолжалось до двухъ дней; происходило это отъ разсѣянія ума на разные предметы... Вотъ что значитъ разсѣянность, какъ вредить она намъ». Поэтому-то онъ и рѣшилъ спастись въ затворѣ, чтобы молитва Іисусова не встрѣчала себѣ помѣхи въ разсѣяніи. Живя въ затворѣ, о. Александръ не выходилъ изъ него для присутствія при церковномъ богослуженіи даже въ праздники дванадесятые и великихъ святыхъ, хотя въ эти дни о. Александръ всегда пріобщался св. Тайнъ: св. Тайны были къ нему приносимы іеромонахомъ послѣ литургіи въ келлію, — въ келліи же онъ и исповѣдывался. Только въ первый день св. Пасхи о. Александръ приходилъ въ церковь, гдѣ христосовался съ братією, пріобщался св. Тайнъ за раннею обѣднею, затѣмъ снова уединялся въ своей келліи до слѣдующаго года. Къ св. причащенію о. Александръ всегда приготовлялся съ великимъ благоговѣніемъ, постомъ и молитвою. Предъ служеніемъ онъ всю седмицу употреблялъ сухояденіе. Въ прочіе же дни онъ пользовался обычною братскою трапезою и ни въ чемъ себя изъ братіи не выдѣлялъ, вкушая, по слову св. Іоанна

Лѣствичника, во славу Божию все предлагаемое въ трапезѣ. Чаю много лѣтъ не пилъ, употреблялъ только горячую воду для того, чтобы размачивать сухари, и только за годъ до своей кончины, почувствовавъ тѣлесную слабость, началъ употреблять чай. Къ посту онъ прибѣгалъ и во время болѣзней; вмѣсто того, чтобы обращаться къ врачамъ и лѣкарствамъ, онъ, твердо вѣруя въ Господа, усугублялъ подвиги, на примѣръ, дня три не принималъ пищи, удручалъ себя трудомъ и молитвеннымъ бдѣніемъ ¹⁾. Въ баню онъ никогда не ходилъ и только въ келліи иногда вымывалъ голову. Отличаясь нестяжательностью, онъ въ Оптиной пустыни никогда не запиралъ своихъ дверей, такъ какъ въ его келліи не было ничего излишняго.

Въ отношеніи къ другимъ старецъ держалъ себя весьма просто. Въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ его не было ничего поддѣльнаго и искусственнаго. Онъ не заботился о томъ, чтобы произвести на другихъ хорошее впечатлѣніе своею внѣшностію или чтобы скрывать отъ другихъ свои немощи и недостатки, высказывалъ всего себя, какъ есть, ничѣмъ себя не прикрашивая. И учениковъ своихъ онъ училъ не показывать свое мудрованіе или знаніе, но считать себя ниже всѣхъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ, быть смиреннымъ въ сердцѣ. Когда нѣкоторые изъ учениковъ старца говорили ему: «Батюшка, нынѣшнее время требуетъ аккуратности», т.-е. прикрывать въ присутствіи другихъ нѣкоторыя немощи или недостатки, то старецъ отвѣтилъ. «Макарію Египетскому тоже говорили ученики, и онъ на это сказалъ имъ:—я этой простотѣ учился девятнадцать лѣтъ, могу ли я согласиться оставить ее?» Старецъ, напротивъ, любилъ скрывать свои добродѣтели смиренномудріемъ и самоукореніемъ. Нѣкоторые изъ входящихъ къ нему спрашивали его: «какъ, батюшка, вы здѣсь живете?» т.-е. себя такъ утруждаете подвигами. Онъ на это обыкновенно отвѣчалъ: «что же мнѣ не жить; кормятъ меня, какъ свинію, которая поѣстъ, попьетъ,

¹⁾ Такъ было, на примѣръ, въ 1866 году, когда въ скиту была эпидемическая горячка, и о. Александръ заболѣлъ ею. Такъ же было и во время послѣдней предсмертной его болѣзни.

ляжеть въ углу и хрюкаетъ, такъ и я». Старець всегда удалялся такой извѣстности, которая не принося пользы могла питать только суетное тщеславіе. Однажды прѣхали въ скитъ какіе-то иностранцы, пришли къ келейнику о. Александра и объявили ему, что желаютъ видѣть и говорить съ о. Александромъ. Келейникъ отвѣчалъ имъ, что старецъ никого къ себѣ не принимаетъ. Тогда они сказали, что умѣютъ говорить на многихъ языкахъ и очень желаютъ видѣть старца. Келейникъ пошелъ къ о. Александру и передалъ все, что они ему говорили. Старець улыбнулся, перекрестился и сказалъ: «а мы съ тобой и на одномъ-то языкѣ не умѣемъ говорить,—Богъ съ ними, скажи, что не принимаетъ». Да и вообще извѣстность многимъ тяготила его, и онъ, смиряя себя, часто говаривалъ со вздохомъ: «Горе тому, слава котораго выше дѣлъ его», или говаривалъ также: «Многіе великіе грѣшники, убійцы, разбойники и проч. грѣшники обратились ко Господу Богу, покаялись и спаслись, напротивъ, многіе считавшіеся праведниками, гибли не имѣя духа смиренномудрія». Но эта же простота и смиренная непритязательность старца были причиною того, что только немногіе понимали старца; для многихъ, напротивъ, простота его, хотя и видѣли въ немъ что-то особенное, послужила камнемъ преткновенія, о который они приткнулись, оправдавъ ту истину, что пророкъ «во своемъ отечествіи чести не имать» (Іоан. 4, 44). Однако свѣтъ духовной мудрости не могъ укрыться отъ очей любившихъ и искавшихъ этого свѣта: поэтому къ о. Александру ходили весьма многіе изъ братіи, какъ изъ Скита, такъ и изъ Сергіевой Лавры, Киновіи, Параклита и другихъ обителей; ходили даже и мірскіе люди.

Духовныя дѣти о. Александра приходили къ нему во всякое время. Они рассказывали, когда старецъ жилъ еще въ пустыни Св. Духа: пойдешь, бывало, къ старцу изъ Скита послѣ вечерни и вечерняго правила, часовъ въ 9-ть, придешь къ нему, сотворишь молитву. Старець скажетъ: «аминь». Войдешь—старецъ иногда скажетъ въ шутливомъ тономъ: «что вы, бродяги этакіе, шатаетесь?» или что-нибудь другое, сообразно съ душевнымъ настроеніемъ. Часто случалось, что старецъ самъ поставитъ самоваръ и скажетъ:

«Ну-ка я васъ отогрѣю чайкомъ» — и что только есть въ келліи, ягоды ли какія или булки, все предложить (рѣдко случалось, чтобы старецъ одинъ вкушалъ чай). И вотъ чада его духовныя идутъ отъ него утѣшенныя и успокоенныя, торопятся въ Скитъ попасть къ 2 ч. къ заутрени. Умѣлъ старецъ не только утѣшить, но и мудро смирить. Рассказывалъ объ о. Александрѣ, на примѣръ, его духовный сынъ, лаврскій іеромонахъ Мелетій: Когда я былъ еще послушникомъ, пришелъ однажды къ старцу въ пустынь Св. Духа вечеромъ и къ тому же одинъ, поговорилъ о чемъ было нужно, затѣмъ отправляюсь обратно въ Скитъ. Старецъ и спрашиваетъ меня: «Ты одинъ пришелъ». Я отвѣчаю: «одинъ». Старецъ далъ мнѣ палку, говоря: «Вотъ теперь не тщеслався, а иди съ этой палкой и будешь не одинъ». Вообще о. Александръ очень часто влиялъ на своихъ духовныхъ чадъ полужордствуя или дѣйствуя въ шутливомъ тонѣ. Особенно, когда ученики были удручаемы скорбями или мрачными помыслами, онъ при входѣ ихъ въ келлію къ нему, бывало, крикнетъ на нихъ или даже кого рукою слегка ударить и этимъ развеселить ихъ и успокоить; да скорби большія у нихъ бывали только тогда, когда они рѣдко приходили къ старцу. Одинъ ученикъ разъ пришелъ къ старцу и рассказалъ ему про свою скорбь, причиняемую тѣмъ, что не малое время онъ сильно былъ волнуемъ разными помыслами. Выслушавъ, старецъ слегка ударилъ его по головѣ рукою и сказалъ: «успокойся». Съ этого времени миръ и покой водворился въ душѣ и мысляхъ этого ученика. Затѣмъ о. іеромонахъ Мелетій рассказывалъ: «Когда я пришелъ въ скитъ и спрашивалъ у нѣкоторыхъ изъ братіи, какого бы мнѣ найти построже старца, чтобы онъ руководилъ мной въ духовной жизни, то мнѣ указали на одного строгаго старца малоросса, о. Софонія, и я ему во всемъ покорился. Но потомъ по неразумію своему я не все сталъ открывать ему — утаивалъ отъ него свои подвиги и различныя другія мысли; оттого началъ приходиться въ смущеніе и разстройство, еще немного и могъ бы совсѣмъ повредиться. Тогда я обратился къ своему товарищу по послушанію о. Θεодору (скончался въ 1897 г. 15-го іюня). Тотъ предложилъ мнѣ обратиться

къ своему старцу о. Александру, который жилъ тогда въ пустыни Св. Параклита. Къ нему оба мы и отправились. Старецъ принялъ насъ очень ласково, утѣшилъ и разрѣшилъ все недоумѣнія. Съ тѣхъ поръ я всею душой расположился къ старцу о. Александру и питалъ къ нему великую любовь, такъ что безъ его благословенія ничего не дѣлалъ». И такихъ примѣровъ вліянія старца на своихъ учениковъ можно было бы представить очень много. А иногда, несмотря на свою простоту, старецъ умѣлъ нравственно вліять не только на своихъ учениковъ, простыхъ, мало образованныхъ людей, но и на людей свѣтскихъ. Въ 1874 году зимою пришелъ въ Скитъ одинъ офицеръ изъ донскихъ казаковъ и сказалъ келейнику, что желаетъ видѣть о. Александра. Келейникъ на это отвѣтилъ, что о. Александръ рѣшительно никого не принимаетъ. Тогда офицеръ сказалъ: «Скажите о. Александру, что если онъ меня не приметъ, то я непременно лишу себя жизни или утоплюсь или удавлюсь». Слыша такія слова, келейникъ ужаснулся, пошелъ и доложилъ о. Александру, передавъ все, что говорилъ ему офицеръ слово въ слово. На это о. Александръ сказалъ: «Должно быть очень нужно ему; пусть войдетъ сюда». Когда келейникъ пригласилъ офицера къ о. Александру, а самъ пошелъ домой въ свою келлію, то проходя мимо того мѣста, гдѣ стоялъ офицеръ, замѣтилъ на снѣгу слѣдующія слова: «Святой Сергій, помоги мнѣ». Это было написано три раза, очевидно, тростию, которая была въ рукахъ офицера. Послѣ, когда офицеръ ушелъ отъ старца, келейникъ передалъ о написанныхъ на снѣгу словахъ. О. Александръ сказалъ: «Онъ уже шесть лѣтъ боримъ былъ, но, благодареніе Господу, пошелъ отъ насъ спокоенъ». Чѣмъ именно этотъ человекъ былъ боримъ, старецъ не открылъ.

Всякому старецъ искренно сочувствовалъ, со скорбящими самъ скорбѣлъ, съ радующимися радовался. Онъ былъ „всѣмъ вся, да всяко—иѣкія спасеть“ (I Кор.9,22). Къ ученикамъ и всѣмъ знавшимъ его старецъ былъ всегда привѣтливъ и никогда никого не порицалъ, но ко всѣмъ относился съ любовію, и немощи другихъ переносилъ съ великимъ долготерпѣніемъ и сострадательностью;

тоже самое и ученикамъ заповѣдалъ. Между учениками при немъ водворялись любовь, миръ и согласіе; они говорили: „о, еслибы и въ будущей жизни сподобилъ насъ Господь жить такъ блаженно и любовно“. Такъ, когда во время гоненія на старца запрещено было къ нему ходить, и нѣкоторые ученики оставили его или перешли къ другимъ старцамъ, а затѣмъ, не нашедши духовнаго спокойствія, снова возвратились къ о. Александру, то онъ принималъ ихъ съ кротостію и любовію, не напомнивъ и не укоривъ ни единымъ словомъ за ихъ непостоянство. Говаривалъ онъ только послѣ по поводу этихъ переходовъ: „и св. апостоловъ оставляли ихъ ученики, какъ то пишетъ ап. Павелъ: Димасъ мене остави и иде въ Солунь“ (2 Тим. 4, 10).

Старець былъ весьма сострадательнъ не только къ ученикамъ, но и ко всѣмъ приходившимъ къ нему. Глядя на бѣдныхъ, онъ плакалъ и дѣлился съ ними послѣднимъ, что у него было. Бывало, говорили ему нѣкоторые: „Зачѣмъ, батюшка, вы имъ даете“? А онъ скажетъ: „гдѣ имъ взять? теперь зима, надо за квартиру заплатить, поѣсть, одѣться, а мы здѣсь живемъ въ теплѣ“. Однако людей мірскихъ, какъ видно, на примѣръ, изъ вышеприведеннаго случая съ иностранцами, о. Александръ принималъ съ разборомъ, бесѣды праздныхъ, не служившихъ въ назиданіе или на пользу души, удалялся. Но удивительно, что при всей кротости и смиреніи старца, какъ сказано, нѣкоторые изъ братіи питали къ нему сильное нерасположеніе и различными клеветами возбуждали противъ него неудовольствіе монастырскихъ властей. Правда, когда онъ былъ еще отрокомъ и затѣмъ въ совершенныхъ лѣтахъ, то, по разсказамъ родныхъ, имѣлъ характеръ рѣзкій и настойчивый (онъ и самъ сознавался въ этомъ), и трудно ему было переломить себя; но при помощи Божіей о. Александръ вполне переломилъ себя и усвоилъ себѣ всю глубину смиренія и кротости, такъ что къ нему особенно приложимы слова св. Іоанна Лѣствичника: „не тѣ получаютъ вѣнцы побѣды, которые отъ природы смиренны и кротки, но тѣ, которые трудомъ эти добродѣтели приобрѣли“ (ст. 27, с. 24). Всѣ клеветы и притѣсне-

ніа о. Александръ переносилъ съ необыкновенной кротостію и благодареніемъ, называя враждебныхъ къ нему людей своими благодѣтелями. Всякое распоряженіе начальства, внушенное нерасположеніемъ къ нему, исполнялъ съ полною готовностію, хотя бы то было очень тяжело ему. Такъ это было, на примѣръ, когда о. игумень велѣлъ ему выходить изъ затвора. Однако, когда требовала необходимость, о. Александръ отличался рѣшительностію и пылкою ревностію по Богѣ. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ на скитской фермѣ поселилась одна личность изъ дворянъ по происхожденію. Будучи исхудалою, какъ скелеть, эта личность называла себя умершимъ человѣкомъ. И вотъ этотъ человѣкъ началъ сѣять въ скитской братіи плевелы—сѣмена свободомыслія. Многіе изъ братіи повредились и даже нѣкоторые изъ числа старшихъ. О. Александръ, услышавъ это и узнавъ отъ нѣкоторыхъ изъ братій о дѣйствіяхъ того человѣка, увидѣлъ, что это ученіе отъ духа лестча и лжи (I Иоанна 4, 6). Тогда, вооружившись сначала усердною къ Богу молитвою, а потомъ и тѣлесною своею крѣпостію, о. Александръ взялъ однажды свою палку, пошелъ на ферму и прогналъ означенную личность, чѣмъ спасъ отъ искушенія многихъ изъ братіи. Многіе изъ братіи потомъ благодарили старца, а нѣкоторые, вслѣдствіе недостатка духовнаго разсужденія повѣрившіе соблазнителю, вооружились противъ о. Александра насмѣшками, завистію и ненавистію. Но старецъ переносилъ все съ великою кротостію и терпѣніемъ.

III.

Совѣты и наставленія старца ученикамъ.

Будучи постоянно занятъ внутреннею молитвою, о. Александръ однако никому изъ обращающихся къ нему не отказывалъ въ словѣ наставленія. Спрашивавшимъ наставленія въ духовной жизни о. Александръ внушалъ прежде всего, чтобы они внимали себѣ, всегда смиряли

и укоряли себя и подвизались съ терпѣніемъ, пребывая въ молитвѣ и прочихъ добродѣтеляхъ, такъ какъ самъ онъ шелъ этимъ именно путемъ. „Держитесь, говаривалъ онъ, болѣе за корень, т. - е. за храненіе ума и чистоту помысловъ, а не надѣйтесь на одни сучья и листвіе, т.-е. на каноны и тропари, какъ и пр. Памва совѣтовалъ; знайте, что отъ храненія ума есть плодъ“: вмѣсто тропарей и каноновъ, которые могли развлекать вниманіе, о. Александръ совѣтовалъ болѣе заниматься молитвой Иисусовой ¹⁾.

Хотя по самому свойству тѣхъ предметовъ, о которыхъ о. Александръ говорилъ, онъ перѣдко повторялъ однѣ и тѣ же мысли и даже въ однихъ и тѣхъ же словахъ, что особенно замѣтно въ письмахъ; но онъ говорилъ всегда примѣнительно къ душевному состоянію спрашивавшихъ и такъ глубоко проникалъ въ послѣднее, что какъ бы говорилъ по прозрѣнію ²⁾; и оттого въ каждомъ отвѣтѣ заключается что-либо новое сравнительно съ другими, а не простое повтореніе прежнихъ заученныхъ мыслей.

Вотъ отвѣты старца на вопросы и недоумѣнія его учениковъ, какіе сохранила память послѣднихъ.

1. О молитвѣ и какъ ею заниматься.

Ученикъ. Батюшка, назначте мнѣ какое-нибудь келейное правило.

Старецъ. По словеси Господню: „бдите и молитесь, да не внидете въ напасть“ (Марк. 14, 38); и Апостоль

¹⁾ О. Александръ не отвергалъ пользы отъ тропарей и каноновъ, и случалось, что келейникъ, подходя къ его келліи, слышалъ его поющимъ что-либо; онъ заботился только, чтобы умъ, будучи постоянно занятъ одними тропарями и кондаками, не разсыялся,—и тогда-то въ особенности обращался къ молитвѣ Иисусовой, такъ какъ она легче всего способствуетъ собрать вниманіе для умной молитвы.

²⁾ Былъ, напр., съ нимъ слѣдующій случай. „Однажды я, рассказывала одна монахиня, духовная дочь о. Александра, угощала старца вареньемъ. Онъ строго взглянулъ на меня и спросилъ: „а гдѣ ты брала ягоды?“ Я вздрогнула и говорю: „простите, батюшка, безъ благословенія старшей ходила за ягодами“,—„Вотъ видишь ли, Господь тебя покрылъ, заключилъ старецъ, и ты покрывай всѣхъ“.

говорить: „непрестанно молитесь“ (1 Сол. 5, 17); вотъ тебѣ правило.

Ученикъ. Другіе старцы налагаютъ на учениковъ своихъ различныя келейныя правила, заставляютъ ихъ полагать много поклоновъ, а вы даете мнѣ свободу и не устанавливаете никакого правила. И я очень скорблю объ этомъ, потому что тоже желаю спастись.

Старецъ. Брате мой, и я желаю тебѣ спастись такъ же, какъ самому себѣ. Но зачѣмъ мнѣ возлагать на тебя бремя, которое ты не въ силахъ понести? — Ты несешь теперь одинъ пудъ, возложи на тебя два пуда, ты бросишь оба пуда. Развѣ ты не знаешь, что, когда обвѣзжаютъ молодую лошадь, то сначала кладутъ на нее не много тяжести, а когда она втянется въ работу, тогда возлагаютъ много? — знаетъ хозяинъ лошади, что она привыкла къ труду. Такъ и въ духовной жизни поступаютъ. Смущаться этимъ не надо; скажу тебѣ главное: храни умъ твой въ смиреніи и самоукореніи. Еще скажу тебѣ, брате мой, что пользы будетъ, если дать тебѣ правило, установить для тебя извѣстное количество поклоновъ и облечь прочими формами? а умъ у тебя будетъ занятъ только тѣмъ, какъ бы исполнить и когда исполнить удобнѣе и ты будешь, какъ работникъ, ожидать награды отъ своего хозяина за работу и не будешь замѣчать, какъ умъ твой будетъ кичиться этимъ и осуждать другихъ. Не лучше ли всегда считать себя должникомъ и грѣшникомъ предъ Господомъ Богомъ и возсылать сердечныя ко Господу молитвы, чтобы онъ умилосердился на нашу нищету ¹⁾). Я брате мой, не желаю тебя имѣть подъ за-

¹⁾ По поводу послѣднихъ словъ пр. Феоданъ сдѣлалъ замѣчаніе: „Безъ опредѣленнаго правила нельзя оставлять никого. По соображенію слѣдуетъ съ качествами приступающихъ къ сему дѣлу и вникать, чтобы не довольствовались однимъ вѣшнимъ исполненіемъ положеннаго“. Впрочемъ, въ дѣйствительности о. Александръ такъ и поступалъ: и вышеприведенными словами онъ не хотѣлъ сказать, будто не нужно налагать никакого молитвеннаго правила, а только хотѣлъ сильнѣе высказать ту мысль, что не слѣдуетъ возлагать надежду на одно вѣшное исполненіе правила и превозноситься тѣмъ. Кроме того предполагается, что ученики о. Александра, которые спрашивали его о правилѣ, должны были ходить ежедневно ко всѣмъ церковнымъ богослуженіямъ. О. Александръ предоставлялъ свободу только въ правилѣ келейномъ помню общепоставленнаго.

кономъ, но подь благодатию ¹⁾). Какая польза возложить на тебя тяжкое бремя, которое можетъ навести на тебя смущеніе, а врагъ этимъ воспользуется, чтобы повредить тебѣ, потому что онъ всегда вкладываетъ въ насъ мысли будто бы добрыя, и тѣмъ незамѣтно вовлекаетъ насъ во зло: вѣдь онъ живетъ восемью тысячу лѣтъ,—знаетъ онъ какъ съ нами управиться.

Ученикъ. Нѣкоторые старцы говорятъ, что количество приводитъ къ качеству, потому и назначаютъ правило.

Старецъ. И мы съ тобой начнемъ сначала говорить безпрестанно: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“, но умъ свой отклонимъ отъ счета молитвъ ²⁾ и не будемъ считать себя праведниками исправными, а лучше будемъ считать себя великими грѣшниками, по Апостолу, „задняя забывая, въ предняя же простираясь“ (Филип. 3, 13).

Ученикъ. Опять нѣкоторые Отцы говорятъ, что безпрестанно молиться—это есть дѣло святыхъ мужей и совершенныхъ.

Старецъ. По заповѣди Господней и Апостольской необходимо всѣмъ христіанамъ памятовать о Господѣ, а наипаче монашествующимъ, какъ среднимъ и совершеннымъ, такъ и новоначальнымъ, потому что слова: „непрестанно молитесь“ сказаны всѣмъ христіанамъ. Намъ надо спасеніе свое содѣловать, не мѣрняя на аршинъ, но подвизаясь въ смиренномудріи.

Вообще о. Александръ давалъ келейное правило по силамъ cadaго и сообразно съ его положеніемъ, но не возлагалъ „тяжкаго бремени неудобъ носимаго“, какъ сказано во св. Евангеліи (Матѣ. 23, 4), не обременялъ ничѣмъ, что могло кого-либо привести въ смущеніе и разстройство. Въ этомъ отношеніи о. Александръ былъ крайне остороженъ и разсудителенъ и чрезъ то даже

¹⁾ Эти слова сказаны старцемъ по примѣру Варсонофія Великаго (Отвѣтъ 23-й).

²⁾ Здѣсь пр. Теофанъ опять сдѣлалъ замѣчаніе: „Нужно или количество опредѣлить или время. Иначе мы—поклонъ, другой, и бросимъ. Когда образуется нужда молитвеннаго съ Богомъ пребыванія, тогда правило само собой прекратится“.

возбуждалъ негодованіе нѣкоторыхъ другихъ старцевъ, которые называли его баловникомъ, хотя въ послѣдствіи сами обратились къ о. Александру и сдѣлались его учениками ¹⁾. Если иногда случалось, что кто-либо не исполнить правила келейнаго, то въ такихъ случаяхъ о. Александръ совѣтовалъ пополнить недостающее смиреніемъ и самоосужденіемъ; иногда же скажетъ шутливо: „смирнѣ будешь“. Другимъ совѣтовалъ замѣнять правило въ случаѣ нужды молитвою Іисусовою. Такъ монахинѣ Каллисоенія говорилъ: „Когда не можешь совершить правила, то сядь, твори молитву Іисусову, сколько можешь—одинъ часъ или полчаса, и вмѣнится это вмѣсто правила“. И вообще совѣтовалъ болѣе всего заниматься молитвою Іисусовою сердцемъ и устами: „старайся, говорилъ онъ, имя Господне произносить устами: оно очищаетъ и избавляетъ сердце отъ страстей“.

Ученикъ. Батюшка, почему такъ мало усердно занимающихся молитвою Іисусовою?

Старецъ. Много начинаютъ, да мало кончаютъ. Молитва Іисусова выше всѣхъ дѣланій духовныхъ. Но если кто понудитъ себя усердно къ ней и на опытѣ вкусить сладость отъ нея, тотъ скажетъ тогда: „блаженъ тотъ человѣкъ, который ею занимается“ ²⁾.

Ученикъ. Батюшка, какъ же научиться этой молитвѣ, такъ чтобы, положивъ начало, и послѣ не перестать ею заниматься, потому что начинающіе читаютъ эту молитву съ трудомъ и неохотой?

Старецъ. Надо нудить себя. Безъ самопринужденія ни въ чемъ не успѣешь. Трудно идти въ гору, — подъ гору бываетъ легче; трудно бываетъ также слѣпому, пока онъ не прозрѣетъ; а когда прозрѣетъ, радуется и весе-

¹⁾ Изъ числа такихъ были: іеросхимонахъ Симеонъ (сконч. 1875 г. въ Николо-Угрѣвскомъ монастырѣ), іеромонахъ Тихонъ (сконч. 1873 г. въ Гессманскимъ скиту) и іеросхимонахъ Іоаннъ, который скончался 8-го января 1898 года.

²⁾ Къ означенному отвѣту о. Александра пр. Феофанъ добавилъ, что не всякому слѣдуетъ тотчасъ приниматься за молитву Іисусову: „Молитва Іисусова должна идти послѣ успѣха въ обычныхъ молитвословіяхъ, когда утвердится повивъ къ молитвѣ въ сердцѣ. Кто прежде сего начинаетъ, ничего не приобретаетъ. Онъ похожъ на того, кто дуетъ на холодный уголь“.

лится, что увидѣлъ свѣтъ. Такъ и молитвѣ, хотя и плохо и съ трудомъ будемъ учиться, но со временемъ выучимся, если не ослабѣемъ; зависѣть это будетъ отъ нашего самопонужденія. Божія же помощь всегда готова къ намъ прійти.

Ученикъ. Батюшка, простите, помысль меня устрашаетъ и говорить, что я умъ свой поврежу, когда буду творить молитву.

Старецъ. Не обращай на это вниманія; помысль этотъ отъ врага; а ты скажи помыслу: „хотя бы случилось и умереть—но съ именемъ Господнимъ“, и знай—продолжай молитву со вниманіемъ.

Ученикъ. Батюшка, почему я, когда сойду съ кѣмъ-либо, то готовъ говорить, сколько угодно, и не вижу, какъ идетъ время. Когда же стану на молитву дома или въ церкви, тогда откроются всѣ невзгоды: и сонъ, и лѣность, и помыслы, и усталость, и время-то, кажется, необходимо для отдыха, и дѣла-то представляются нужныя и необходимыя?

Старецъ. Врагъ нашъ дѣволъ, кругомъ насъ окрадывающій и обманывающій, чрезъ нерадѣніе и безпечность о нашемъ добромъ дѣланіи, хочетъ отнять у насъ время, какъ сказалъ нѣкоторый св. старецъ: „кто потеряетъ золото или серебро, то онъ можетъ найти другое; если же потеряетъ время, живя въ праздности и лѣни, то не возможетъ найти другого взамѣнъ потеряннаго“ (Аввы Дороея поученіе II-е). Когда мы представемъ на судъ Божій, совѣсть обличитъ насъ въ томъ, что все время провели въ лѣности и нерадѣніи, мало помнили о Богѣ и рѣдко къ Нему обращались, считая молитву и бесѣду съ Нимъ скучными и не выносимыми; а Господь намъ скажетъ: „Какую милость чаете получить отъ Меня вы, обращающіе весь свой умъ и заботу только на дѣла свои? Идите же въ мѣсто, уготованное для тѣхъ, кто проводилъ время жизни въ суетѣ, лѣности и нерадѣніи о своемъ спасеніи: съ кѣмъ вы проводили дни ваши, съ тѣмъ же и пріймите мзду за вашу безпечность“.

Ученикъ. Батюшка, намъ, мірскимъ людямъ, часто вѣтъ времени сходить въ храмъ Божій. И дома молиться

препятствуютъ различныя дѣла. Если даже пойдешь въ церковь, то не рѣдко думается, что произойдутъ отъ того опущенія въ дѣлахъ.

Старецъ. Это вы говорите только для того, чтобы не признать своей неправды и оправдаться. Если мы имѣемъ усердіе ко храму Божию или къ молитвѣ, то никакія дѣла намъ не воспрепятствуютъ. Когда придетъ, напр., къ вамъ въ гости кто изъ родныхъ или знакомыхъ, или случится что-либо подобное, то вы оставляете свои дѣла и идете къ гостямъ. А на молитву у васъ нѣтъ времени: такъ мы дѣлаемъ дѣло Божіе съ лѣнностію и небреженіемъ. Провести съ кѣмъ-либо въ празднои бесѣдѣ нѣсколько часовъ мы готовы и рады были бы продолжать бесѣду послѣ того, какъ она окончится. А когда станемъ на молитву, тотчасъ становится скучно, и представляются дѣла неотложныя, и что настало уже время отдыха, и прочія невзгоды приходятъ. Мы сами здѣсь уже себя осуждаемъ, потому что насколько въ здѣшней жизни приобрѣтемъ мы усердіе къ всегдашнему памятованію Господа, настолько познаемъ Его и въ будущей жизни (подобно тому, какъ въ воинскомъ искусствѣ, въ разныхъ художествахъ, въ языкахъ и наукахъ только тотъ преуспѣваетъ, кто напередъ потрудился, чтобы ихъ изучить); если же въ здѣшней жизни мы лѣнны къ молитвѣ, то и въ будущей окажемся въ такомъ же положеніи.

Съ подобнымъ приведенному вопросомъ обращалась къ старцу о. Александру и монахиня Каллисеевія ¹⁾: „Совсѣмъ осуетилась, не нахожу времени помолиться и о семь скорблю“. Старецъ отвѣтилъ: „Не тотъ блаженъ, кто началъ, но кто окончилъ. Избери время, хотя три раза проговори молитву Іисусову, и то спасительно“.

¹⁾ Монахиня Каллисеевія Хотькова монастыря скончалась 29-го марта 1887 года, на 54 году своей жизни, была преданная духовная дочь о. Александра, которая писала о себѣ одному духовному брату за восемь дней до своей смерти, т.-е. 20 марта, такъ: „Все желаніе и воздыханіе, вся скорбь души моей, какъ бы спастись и угодить Господу, и возлюбить его всѣмъ сердцемъ моимъ и ближняго своего. Но все-таки мое попеченіе тщетно: вижу себя, какъ бы осыпанной грѣхами, не сдѣлала и одного шага впередъ. Когда размышляю о своихъ грѣхахъ и недостаткахъ и о Божіемъ милосердіи, упаду предъ Богомъ и кричу: „грѣшная есмь“—повторяю нѣсколько разъ—„се раба Твоя, пусть будетъ святая воля Твоя“.

Старець ставилъ внутреннюю молитву выше всѣхъ другихъ добродѣтелей. Одинъ ученикъ сказалъ старцу: „Батюшка, простите меня,—я очень мало работаю для обители и скорблю о томъ“. Старець отвѣтилъ: „Не заботься о томъ, а больше работай надъ душею своею; зачѣмъ пришелъ сюда, чего искать, — не спасенія ли души?“ — Или на вопросъ ученика: „Батюшка, какъ исполнить слово Евангелія: „боленъ бѣхъ и посѣтите Мене?“—старець отвѣтилъ: „Не заботься о семъ; посѣщай свою душу усердною ко Господу Богу молитвою, ибо душа твоя больна“.

Старець не предписывалъ имѣть при молитвѣ какое-либо опредѣленное положеніе тѣла: „Молитесь, говорилъ онъ, можно и сидя, и лежа, и ходя, и одному, и въ присутствіи другихъ, чтобы умъ внималъ тому, что говорится устами, а не о другомъ чемъ мечталъ“. Такъ, когда монахиня Каллисѣенія высказывала старцу: „Батюшка, иногда хочется помолиться, а при товаркѣ я стѣсняюсь; еще скорблю, что не имѣю умиленія“, то старецъ отвѣтилъ: „можешь молиться при единоконной товаркѣ, если и она желаетъ спастись. Садьте обѣ и творите молитву Исусову; придетъ и умиленіе“.

Одинъ изъ учениковъ спрашивалъ: „Не грѣхъ ли молиться сидя и лежа?“ Старець отвѣчалъ: Намъ старцы говорили:—хотя бы вверхъ ногами, да творить молитву;—многіе по немощи лежа творили молитву, да бѣсовъ стоящихъ побѣждали полки“. Еще спрашивалъ старца одинъ ученикъ о томъ, часто ли зажигать ему лампаду въ келліи? Старець отвѣчалъ: „Надо зажигать лампаду своего сердца, чтобы оно горѣло любовію ко Господу Богу“. Говорилъ также старецъ, что молиться можно иногда устами, иногда умомъ, держа вниманіе ума въ сердцѣ. „Когда изнеможетъ умъ и сердце, для отдохновенія творить можно молитву устами, выговаривая слова молитвы вслухъ, чтобы сердце чувствовало“.

2. О томъ, что стяжать добродѣтели невозможно безъ труда и безъ борьбы съ страстями.

Ученикъ. Батюшка, я очень желаю спастись.

Старецъ. Положи начало и Господь тебѣ поможетъ; мы такъ себѣ не желаемъ спастися, какъ Господь намъ желаетъ спасенія. (При этомъ старецъ присовокупилъ: „замѣчай, что когда у тебѣ душа неспокойна, и помысль говорить тебѣ: сдѣлай поскорѣе то или другое дѣло, то знай, что это врагъ хочетъ тебя смутить и навести скорбь душѣ твоей“¹⁾).

Ученикъ. Батюшка, я издавна желаю монашества, и какъ хорошо было бы, если бы Господь сподобилъ меня быть монахомъ.

Старецъ. Покажи дѣла, достойныя монашества, и въ будущемъ вѣцѣ обрящешь себя монахомъ. — При этомъ старецъ прочиталъ изъ житія Пимена многоболѣзненнаго, Печерскаго чудотворца²⁾).

Ученикъ. Батюшка, простите меня, я все предаюсь мечтательности о себѣ, будто бы я живу хорошо и благочестиво.

Старецъ. Не хвались, сынъ мой, при началѣ; еще неизвѣстно, какой конецъ будетъ.

Ученикъ. Батюшка, простите меня, вотъ сколько времени уже я живу въ монастырѣ, а ничего не приобрѣлъ и не приучилъ себя ни къ чему доброму. Все зазираю и осуждаю прочихъ, а самъ, какъ свинія во блатѣ, валяюсь.

Старецъ. А что ты за человекъ, что хочешь добродѣтели стяжать безъ трудовъ? Не успѣлъ еще опериться, а хочешь летѣть. Нѣтъ, онѣ достигаются усиленными трудами и долгимъ временемъ. Тогда-то будешь ты ихъ цѣнить, когда онѣ достанутся тебѣ чрезъ труды твои. Если же что безъ трудовъ приобрѣтено, то скоро и потерять можно. Мы бываемъ спокойны, когда безпрепятственно можемъ исполнять всѣ свои желанія, и когда ничто насъ не тревожитъ; захотимъ что ѣсть, ѣдимъ; захотимъ пить, пьемъ; захотимъ спать, спимъ; захотимъ пройтись куда, тоже себѣ не отказываемъ; а если захотимъ бороться противъ этого, то увидимъ скорби.

1) 3-я утр. молитва св. Макарія Великаго.

2) Печерскій патерикъ, 7-е августа.

Ученикъ. Батюшка, почему опытные и искусные въ духовной жизни старцы останавливаютъ ревностныхъ новоначальныхъ монаховъ и послушниковъ отъ разныхъ подвиговъ духовныхъ въ началѣ ихъ отверженія отъ міра и поступленія въ монастырь?

Старецъ. Они потому останавливаютъ, что знаютъ козни врага рода человѣческаго, который всегда подъ видомъ добра ищетъ нашей гибели, стараясь послѣ подвиговъ вринуть насъ въ отчаяніе или лѣность. Старцы, какъ опытные въ духовной жизни, такъ какъ сами проходили этотъ путь и видѣли опасности, на немъ бывающія,—знаютъ, сколь многіе погибаютъ на семъ пути отъ самочинія.

Ученикъ. Батюшка, пока есть ревность, то и хорошо подвизаться въ началѣ.

Старецъ. Бываетъ ревность и не по разуму, какъ намъ говорили старцы. Въ одно время я шелъ по саду и вижу, что садовникъ съ молодыхъ яблонь срываетъ цвѣты. Я спросилъ садовника, зачѣмъ онъ срываетъ цвѣты? А онъ мнѣ и говоритъ, что, если не срывать, то будутъ плоды, т.-е. яблоки. Меня это удивило и я спрашиваю опять: «что же это хорошо, что плоды будутъ». А садовникъ говоритъ мнѣ въ отвѣтъ, что эти плоды повредятъ самой яблонѣ и она впослѣдствіи будетъ безплодная; эти плоды теперь вытянутъ сокъ изъ корня, и она можетъ погибнуть; но когда корень возмужаетъ, тогда и плоды будетъ приносить сугубо. Вотъ видишь ли, такъ и человѣкъ плоды даетъ во время свое (Пс. 1, 3), заключилъ старецъ.

Ученикъ. Батюшка, какъ помочь тѣмъ, которые повредились отъ неразумія въ духовныхъ подвигахъ?

Старецъ. Намъ старцы говорили,—если кого врагъ чѣмъ запялъ (обманулъ), то надо совѣтовать имъ, чтобы они дѣлали себѣ насиліе поступать напротивъ, именно: кого запялъ чрезмѣрнымъ постомъ, то чтобы они оставили постъ ¹⁾, а тѣмъ, кого запялъ многими поклонами, надо совѣтовать, чтобы они оставили поклоны ²⁾, а только одну

¹⁾ Т.-е. чрезмѣрность поста, а не вообще постъ, какъ замѣчаетъ пр. Теофанъ въ разъясненіи.

²⁾ Т.-е. полаганіе поклоновъ безъ молитвеннаго къ Богу возношенія, а поклоны всегда полезны, какъ и постъ (замѣчаніе пресв. Теофана).

молитвою Иисусовою довольствовались, хотя можетъ быть и будетъ это казаться страннымъ для многихъ, кто не знаетъ этого духовнаго дѣланія. Со мной былъ одинъ подобный случай, когда я былъ въ пещерахъ въ затворѣ; однажды подвели къ окну келліи одну женщину, которую, какъ я замѣтилъ, врагъ запялъ многими поклонами. Я совѣтовалъ, чтобы она оставила поклоны и занималась только одной молитвой Иисусовой. Но она не захотѣла, и пошелъ слухъ такой, что вотъ-де затворникъ молиться запрещаетъ; былъ большой говоръ и смѣхъ. Видишь ли, и въ этомъ врагъ найдетъ причины къ соблазну, —но только помню я, что къ о. Леониду старцу (Оптиной пустыни), бывало, многіе такіе приходили; и тѣ, которые, бывало, его послушаютъ, получали облегченіе и испѣлялись, а кто не слушалъ его, тѣ оставались неисправленными.

Ученикъ. Мнѣ, батюшка, помысль говорить, что можно еще подождать утруждать себя разными подвигами о спасеніи души.

Старецъ. Этотъ помысль отъ врага. Почему мы знаемъ, когда придетъ часъ нашей смерти? Врагъ и мнѣ говорить сейчасъ, продолжалъ старецъ, вотъ что и ты говоришь: тогда начнешь подвизаться, когда тебѣ исполнится въ монашествѣ сорокъ лѣтъ. Видишь ли вотъ какихъ, съ какими сѣдыми головами обманываетъ ¹⁾.

Ученикъ. Батюшка, мнѣ нѣкоторые говорятъ, что надо жить посвободнѣе и что стѣснять себя не должно.

Старецъ. Это говорятъ тѣ люди, у которыхъ не согрѣто сердце, а у кого оно согрѣто, тотъ не скажетъ этого.

Ученикъ. Весьма прискорбно и болѣзненно бываетъ слышать отъ людей: «погоди-ка, еще не то съ тобою будетъ; думаешь, что такъ и проживешь (т.-е. также подвизаться будешь), вотъ и мы сначала также подвизались, а вотъ посмотри на насъ, какая съ нами перемѣна; тоже и съ тобою будетъ» —или когда указываютъ на примѣры прочихъ людей, изъ которыхъ многіе потеряли ревность и ослабѣли.

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что о. Александръ и дѣйствительно не дожилъ до 40 лѣтъ въ монашествѣ 5-ти дней, такъ какъ поступилъ въ монастырь 14 февр. 1838 г., сконч. 9 февр. 1878 г.

Старецъ. Хотя есть корабли, которые претерпѣваютъ и крушеніе, но многіе и пристанища достигаютъ. Да, прискорбно и болѣзненно бываетъ это слушать. Это говорятъ слуги сатаны; самъ онъ мыслями смущаетъ и потомъ научаетъ людей, дабы ослабить ревность ко благочестію. Нужна бываетъ сильная помощь Божія. Надо удаляться отъ такихъ людей и бѣгать. Господь насъ сотворилъ и добрыми и благами, но большею частію чрезъ людей научаемся всякому злу и неправдѣ.

Ученикъ. Батюшка, доколѣ можетъ стоять человекъ въ добродѣтели?

Старецъ. Дотолѣ, доколѣ умомъ своимъ отъ Бога не отступаетъ; а то, какъ муха въ сметанѣ, погибнетъ.

Ученикъ. Въ одно время прихожу я къ старцу и говорю: «Батюшка, поздравляю васъ съ праздникомъ».

Старецъ. Тогда у монаха праздникъ, когда на душѣ его отрада бываетъ; и при семъ рассказалъ изъ житія пр. Пахомія Великаго, какъ старецъ его преп. Паламонъ ударилъ себя рукою въ лобъ, говоря: «Господь мой Иисусъ Христосъ былъ распятъ, а я хочу вкушать съ масломъ», — и простоялъ на молитвѣ три дня, и при этомъ прибавилъ ученику своему: вотъ, чадо, и праздникъ.

Ученикъ. Батюшка, а всегда ли бываетъ на душѣ отрада?

Старецъ. Если бы всегда была отрада на душѣ, то мы бы забылись; а когда у насъ ея нѣтъ, тогда начнемъ ея искать.

Ученикъ. Батюшка, простите меня и помолитесь: все что-то плохо живется и ничего не прибавляется къ моимъ добрымъ дѣламъ.

Старецъ. Больше молчи и не внимай никакимъ помысламъ, даже и добрымъ, никого не осуждай и не раздражайся. Авва Арсеній сказалъ одному брату: «молчи, непрестанно молчи».

Ученикъ. Батюшка, я вижу, что не имѣю смиренія, во всякое доброе дѣло вмѣшивается помысль тщесавія. Очень скорблю объ этомъ.

Старецъ. Оставь слезы, лучше смирайся. Я расскажу тебѣ случай. Ко мнѣ пришелъ одинъ клиросный братъ и

сказалъ про себя, что онъ имѣлъ такой даръ слезъ. «Однажды», говорилъ онъ, «стоялъ я съ братьями посреди церкви на пѣни и не могъ удержаться отъ слезъ; вдругъ вижу видѣніе: Матерь Божія стоитъ на воздухѣ, предъ ней на колѣняхъ стоялъ монахъ и просилъ помилованія. Она, показывая на меня, сказала: «Вотъ проси его; онъ достоинъ: я послушаю его». Вотъ видишь ли, врагъ вездѣ строитъ козни, и слезы не всегда бываютъ полезны ¹⁾».

Ученикъ. Батюшка, простите мое любопытство, были ли вамъ въ жизни вашей какія-либо страхованія или видѣнія?

Старецъ. Были помыслы; врагъ говорилъ мнѣ: «ты чудотворецъ»,—но я ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ, съ самоукореніемъ говорилъ себѣ: «можетъ ли быть, чтобы великій грѣшникъ былъ когда чудотворцемъ?» и эти помыслы скоро всегда проходили; или псаломъ говорилъ: «Боже, въ помощь мою вонми» (Пс. 69).

Ученикъ. Какъ же въ прежнія времена были святые мужи, какъ-то: преп. Антоній Великій, преп. Сергій и др., которымъ были видѣнія и страхованія?

Старецъ. Они жили тогда въ глубокой пустынѣ и людей не видѣли, а если видѣли, то мало; а мы живемъ въ обществѣ и боремся общими силами; Господь не попускаетъ намъ искушеній сверхъ силъ нашихъ (1 Кор. 10, 13). См. объ этомъ также у Іоанна Лѣствичника стр. 21, ст. 1-я.

Придя къ старцу, одинъ *ученикъ* его говоритъ: «Батюшка, помолитесь обо мнѣ; я сильно обуреваемъ помыслами».

Старецъ. Терпи, чадо, и Господь тебѣ поможетъ; я бы и самъ рассказалъ кому свой помыслъ, чтобы получить наставленіе и утѣшеніе. Съ тобою борется простой бѣсенокъ, а къ намъ приступаютъ князья бѣсовскіе, съ ними борьба и страшнѣе и опаснѣе. При этомъ старецъ

¹⁾ Т.-е. нужно иногда не плакать и не жаловаться на помыслы, а терпѣть и бороться съ ними, такъ какъ удивляться и сильно смущаться при каждомъ явленіи помысловъ свойственно человѣку при неправильно высокомъ мнѣніи о своей чистотѣ, отъ котораго и происходятъ печаль и смущеніе.

началъ отирать рукою ланиты и глаза свои наполненные слезами.

Когда старецъ сказалъ одному *ученику*: «Если бы кто зналъ, какія врагъ дѣлаеть усилія, чтобы отклонить человѣка отъ молитвы (и отъ добродѣтели вообще), то онъ готовъ былъ бы дать тому человѣку всё сокровища міра»,—то *ученикъ* спросилъ старца: «Батюшка, неужели такую врагъ имѣеть силу и власть?»

Старецъ. Отъ врага сила не отнята, какъ мы видимъ, изъ житія преп. Евдокіи 1-го марта. Когда архангелъ Михаилъ вознесъ душу преподобной Евдокіи на воздухъ, тогда явился страшный образъ и говорить архангелу: «Остави ярость и послаби ми мало узъ, ими же связанъ есмь. Узриши, како во мгновеніе ока родъ человѣчь постреблю отъ земли и ниже наслѣдіе его оставлю». Видишь ли, что силу онъ имѣеть, только власти не имѣеть, даже и падъ свиніями, какъ видно изъ св. Евангелія (Марк. 5, 12—13).

3. *О томъ, что безъ смиренія и вниманія къ себѣ невозможно приобрѣсти истинной добродѣтели.*

Одинъ *ученикъ* спросилъ старца: «что необходимо нужно для спасенія?» *Старецъ* на это отвѣчалъ: «необходимо нужно для спасенія смиреніе: насколько человѣкъ смиритъ себя предъ Господомъ, настолько и обратитъ благодать. Въ житіи св. Евстафія Плакиды (20 сентября) мы читаемъ, что Господь явился ему и сказалъ: «Егда же въ глубину смиренія приидеши, Азъ вознесу тя и прославлю на небеси предъ Ангелы Мои». Многіе, говаривалъ *старецъ*, творили великія добродѣтели и даже претерпѣли нѣкоторыя мученія, какъ видимъ мы изъ словъ пятидесяти св. Макарія Египетскаго, а послѣ впади въ гнусныя страсти и погибели. «Батюшка, это страшно, какъ же спастись можно?»—спросилъ однажды по поводу этихъ словъ *ученикъ*.

Старецъ. Со смиренномудріемъ легко можно спастись, если захотятъ; надо полагать, продолжалъ *старецъ*, они

погибли, не имѣя этой добродѣтели, т.-е. смиренія, понадѣялись на себя и развратились. И вообще старецъ постоянно внушалъ ученикамъ своимъ, что смиреніе есть наиболѣе удобный путь ко спасенію; смиреніе, онъ совѣтовалъ, пусть восполняетъ недостатокъ другихъ добродѣтелей. Когда, напр., одинъ ученикъ высказывалъ старцу: «Батюшка, у меня нѣтъ ни молитвы, ничего добраго, и оттого я бываю въ великой печали и о семь скорблю», то старецъ отвѣтилъ: «И у царя земного не всѣ воины бываютъ генералами, есть и офицеры и простые солдаты; такъ и у Царя небеснаго, если не будешь генераломъ, то будешь простымъ солдатомъ, а все будешь воинъ небеснаго Царя. Смирій и укорій себя во всемъ, какъ непотребнаго раба». Другой ученикъ говорилъ: «Батюшка, простите меня, я все предаюсь лѣности и нерадѣнію, у меня нѣтъ ни поста, ни молитвы, ни воздержанія». Старецъ: «Заготовляй себѣ болѣе смиренія и самоукоренія; придетъ время, и ты будешь постигаться, а то теперь ты будешь поститься, а прочихъ зазирать и осуждать; многіе плоть свою постомъ изсушили, а страсти ни одной не побѣдили; ибо безъ смиренія трудно спастися». Тоже говорилъ старецъ и монахинѣ Каллисѳеніи: «Батюшка, прошу я Господа, высказывалась она предъ старцемъ,—«даждь мнѣ положить начало благое во спасеніе, согрѣй следенѣлое мое сердце» —а все холодно на сердце и не имѣю чистой молитвы. Помыслы обуреваютъ меня, забываюсь, замедленіе и услажденіе постигаютъ меня, простите и помолитесь за меня». — «Немощнѣйшее дитя мое, говорилъ старецъ, хотя и ревностно твое устроеніе, но слабо, смиряйся и не осуждай другихъ. Смиреніе и одно сильно представить предъ Богомъ» (Письмо къ монахинѣ Каллисѳеніи). Нерѣдко старецъ говаривалъ: «Если въ мірской жизни торговецъ торгуетъ какимъ-либо товаромъ и видитъ, что у него есть избытокъ и барышъ отъ торговли, то онъ радуется этому, потому что пріобрѣтаетъ богатство. Такъ и монахъ или обыкновенный добродѣтельный человѣкъ, если живетъ благочестно и пріобрѣтаетъ истинное смиреніе отъ дѣлъ своихъ, то пусть радуется, что не съ пустыми руками отыдетъ отъ здѣшней жизни, а если нѣтъ смиренія, то

всуде всё его труды и подвиги, предпринятые имъ въ здѣшней жизни».

Старець поэтому всегда внушалъ ученикамъ, чтобы они не надѣялись на какія-либо внѣшнія добродѣтели, коль скоро съ ними не соединяется смиреніе и самоукореніе. Однажды пришелъ къ старцу нѣкоторый братъ и говорить: «Батюшка, я думаю, достаточно для спасенія того, что я хожу ко всѣмъ церковнымъ службамъ, полагаю известное число поклоновъ въ келліи и прочее исполняю тщательно, что требуется по правиламъ и монашескимъ уставамъ».

Старець. Не за то мы будемъ осуждены, что не совершили великихъ подвиговъ внѣшнихъ и добродѣтелей (это все хорошо, но при внутреннемъ дѣланіи¹⁾ и когда совершается со смиреніемъ) или не творили чудесъ, а за то, что не плакали о себѣ, какъ говорить св. Іоаннъ Лѣствичникъ (ст. 7, ст. 70). Будемъ осуждены за наше неправильное (высокое) мнѣніе о себѣ и за успокоеніе себя и совѣсти своей такими помыслами (т.-е. будто достаточно однѣхъ внѣшнихъ добродѣтелей). Братъ говорить: «какъ же сказано въ св. Евангеліи: — Да не смущается сердце ваше: у Отца Моего обители многи суть?» (Іоан. 14, 2). *Старець.* Это сказано тѣмъ, которые сѣтуютъ и плачутъ о грѣхахъ своихъ и познали свою нищету духовную, а не для тѣхъ, которые успокоиваютъ свою совѣсть однѣми внѣшними добродѣтелями.

Другой братъ сказалъ старцу, что онъ столько-то лѣтъ не ѣсть ни мяса, ни рыбы, въ известные дни вкушаетъ съ масломъ, въ прочіе же дни сохраняетъ постъ и воздержаніе; но онъ не можетъ спокойно выносить отъ кого-либо слова противъ него, какъ бы забываетъ себя при этомъ отъ сильнаго гнѣва и ярости. *Старець.* Поститься ты научился, но смирать свое сердце не научился; полной пользы не получимъ отъ поста, если не научимся смиратъся и укорять себя во всемъ и если не обратимъ все наше вниманіе на внутреннее дѣланіе наше. Многіе много сѣяли, но когда пришло время жатвы, ничего не могли пожать: такъ какъ сѣяли они неразумно, то и ничего не пожали.

¹⁾ Замѣчаніе преосвящ. Оеофана.

Но ты, если хочешь послушать меня, исправь то, что неразумно въ твоёмъ постѣ. Постъ бываетъ разуменъ, когда человекъ при семъ смиряетъ своего внутренняго человека и очищаетъ сердце свое отъ страстей.

Ученикъ. Батюшка, нѣкоторые старцы совѣтуютъ имѣть въ своей келліи святую воду или просфору для того, чтобы, если случится какое искушеніе, или что другое, употреблять это какъ средство.

Старецъ. Никто да не отвергаетъ того, что установлено святою Церковію для очищенія всякаго христианина. Но еще лучше, если мы стяжемъ Господа въ умѣ и сердцѣ и будемъ Его имѣть всегда предъ собою и молитвою къ Нему возноситься всегда и стяжемъ нищету духа. Намъ старцы совѣтовали болѣе заботиться о внутреннемъ человекѣ, а внѣшнее само собою придетъ. Когда мы стяжемъ Господа въ разумѣ, тогда возрадуемся радостию неизглаголанною; наши старцы намъ не велѣли держать въ келліи воды святой безъ нужды, а довольствоваться тѣмъ, что во храмѣ употребляется ¹⁾).

Ученикъ. Батюшка, мы читали въ житіи св. Тихона, еп. Задонскаго, что онъ предъ кончиною причаститься св. Тайнъ не сподобился, такъ какъ не успѣли рано отслужить литургію, а вѣдь св. мощи его прославлены.

Старецъ. Сказано: «Святая святымъ», т.-е. только святые достойны св. причащенія. Но развѣ только тѣ бываютъ святыми, которые часто причащаются св. Тайнъ? Частое причащеніе безъ внутренняго духовнаго дѣланія не вмѣшается въ достоинство причащающемуся.

Ученикъ. Батюшка, нѣкоторые говорятъ, что гора Аѳонъ—мѣсто святое. Правда ли, что тѣ, которые тамъ живутъ, будутъ святы, такъ какъ сама Божія Матерь обѣщала покрывать и защищать тамъ живущихъ? Можно ли на этомъ основаніи тамъ спастись, живя несообразно съ заповѣдями Господними и преданіями святыхъ отецъ?

Старецъ. Пріятенъ ли бываетъ господину рабъ, который, живя въ дому его, безчинствуетъ, дѣлаетъ оскор-

¹⁾ Здѣсь пр. Ѳсофанъ приписалъ: „И у Исихіа: оттолкни искушающій помысль и къ Господу обратись съ молитвою, ... и все тутъ“.

бленія господину своему и производитъ соблазнъ? Не спасемся и мы, если нравы свои не перемѣнимъ и не будемъ жить благочестиво, по заповѣдямъ Господнимъ и по преданію св. отецъ; напротивъ, повесемъ сугубое осужденіе, живя небрежно и лѣниво.

Ученикъ. Какъ же, батюшка, многіе наши русскіе съ великимъ стремленіемъ бѣгутъ на Аѳонъ, желая тамъ получить себѣ спасеніе?

Старецъ. И многіе не ошибаются: получаютъ себѣ спасеніе на Аѳонѣ; но не надо думать, будто спасеніе можно получить только на Аѳонѣ. Гдѣ кто призванъ, тамъ пусть и пребываетъ, по словеси Апостола Павла (1 Кор. 7, 20). Господь нашъ Иисусъ Христосъ сказалъ: «истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною на всякомъ мѣстѣ» (Іоан. 4, 23—24). Многіе стремятся на Аѳонъ или здѣсь, съ мѣста на мѣсто переходя, ищутъ царства небеснаго въ людяхъ, а не въ себѣ, забывая сказанное въ Евангеліи: «царствіе небесное внутри васъ есть» (Лук. 17, 21). Конечно, бываютъ переходы съ мѣста на мѣсто и по благословнымъ причинамъ, но по большей части это бываетъ по недостатку смиренія и терпѣнія и по осужденію другихъ.

Ученикъ. Батюшка, почему бываетъ такъ много людей, которые благоугождаютъ Господу Богу, но не имѣютъ особенныхъ духовныхъ дарованій?

Старецъ. Возблагодаримъ Господа Бога за Его великія къ намъ милости, что Онъ премудро устрояетъ наше спасеніе, а дарованія предадимъ Его святой волѣ, какъ Ему будетъ угодно, такъ пусть и устрояетъ сіе. Намъ съ своей стороны нужно только понуждать себя къ добродѣтели. Какъ въ мірской жизни бываетъ, что богатый господинъ довѣряетъ свое богатство вѣрному и надежному приказчику, зная, что его богатство въ рукахъ этого человѣка будетъ сохранно: такъ и Господь ниспосылаетъ особенные дары такимъ лицамъ, кои употребятъ ихъ въ свое и ближнихъ своихъ спасеніе.

Ученикъ. А можно ли просить себѣ отъ Господа духовныхъ дарованій?

Старецъ. Намъ старцы запрещали просить. Многіе

просили, Господь Милосердый давалъ имъ, желая успокоить ихъ неразумный крикъ, хотя зналъ, что данное имъ не на пользу будетъ (см. примѣръ Евлогія каменосѣнца въ Прологъ марта 27; хотя въ Прологъ сказано о вещественномъ богатствѣ, но это можно примѣнить и къ духовному). Скажу тебѣ, брате мой, не желай получить или достигнуть какихъ-либо духовныхъ дарованій; самое это желаніе неправильно и пагубно. Но старайся хранить себя, какъ можно болѣе, въ глубокомъ смиренномудріи, а остальное все предай волѣ Божіей. Ибо мы не знаемъ, полезно ли намъ получать какія-либо дарованія. И еще скажу тебѣ: малоразумное дитя просить у отца своего ножикъ, но отецъ не даетъ ножа, зная, что дитя, по неразумію своему, можетъ имъ себя обрѣзать. Брате мой, все тщаніе и все намѣреніе твое обрати на то, чтобы увидѣть себя, какъ пишетъ о семъ святыи Исаакъ Сиринъ: «сподобившійся увидѣть себя, той лучшій есть сподобльшагося увидѣть ангеловъ» (Слово 41, ст. 198).

Ученикъ. Батюшка, что такое значить увидѣть себя, расскажите мнѣ Господа ради.

Старецъ. По писанію св. отецъ и по опыту, насколько намъ Господь открылъ увидѣть себя, это значить сознать себя великимъ грѣшникомъ, и счесть себя хуже всякаго великаго грѣшника, увидѣть свои грѣхи паче песка морского и недостойнымъ себя считать даже хожденія по землѣ и проч.

Ученикъ. Батюшка, это намъ очень трудно и не подь силу.

Старецъ. Лучше скажи: не хотимъ, ибо кто пожелаетъ спастись, для того это будетъ очень легко. Помощь Божія ждетъ насъ и всегда готова для насъ, только съ нашей стороны нужно понужденіе. Безъ понужденія ничего не будетъ. Сказано: «нуждницы восхищаютъ царствіе небесное» (Мате. 11, 12).

Ученикъ. Възмъ одинаково предстоить трудъ смирить себя?

Старецъ. Разно бываетъ, смотря потому, кто какимъ путемъ идетъ. Но только этотъ трудъ легче для простыхъ сердець, у которыхъ вѣра сильнѣе и простоты больше,

какъ это видимъ, напр., у Павла Препростаго.

Ученикъ. Батюшка, отчего я все замѣчаю за людьми ихъ недостатки? Когда, напр., слушаю, что кто-нибудь читаетъ что-либо или говорить о комъ мысленно осуждаю того, думая: вотъ этотъ человѣкъ подверженъ такой или иной страсти или грѣху. Что мнѣ дѣлать при такой моей грѣховной привычкѣ?

Старецъ. Человѣческое сердце какъ зеркало или чистое стекло; если оно чисто отъ страстей и пороковъ, то эту чистоту только и видитъ во всякомъ человѣкѣ и никого не осуждаетъ и не порицаетъ. Поэтому надо молить Господа Бога, дабы даровалъ намъ зрѣти своя прегрѣшенія и не осуждати брата моего (Молитва св. Ефрема Сирина). Какъ великъ этотъ грѣхъ осужденія ближнихъ и какую великую доставляетъ намъ потерю и препятствіе ко спасенію,—объ этомъ Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ сказалъ въ св. Евангеліи: «не судите, да не судими будете, имъ же бо судомъ судите, судятъ вамъ» (Матѣ. 7, 1—2). Но если сердце у кого нечисто и осквернено страстями и пороками, то эту нечистоту видитъ почти во всякомъ человѣкѣ, за всѣми замѣчаетъ и подозрѣваетъ дурное, какъ о семъ пишетъ св. Дмитрій Ростовскій (см. «Духовный Алфавитъ»). Тоже говоритъ св. Тихонъ Задонскій чудотворецъ.

Однажды спросили старца нѣкоторые преподаватели и наставники учебныхъ заведеній: «батюшка, бываетъ иногда при нашихъ занятіяхъ: возвращаешься послѣ уроковъ домой разстроеннымъ и беспокойнымъ». Старецъ: «не бываетъ ли съ вашей стороны причины къ этому безпокойствію?». Наставники: «Утромъ, когда мы идемъ въ классъ, то всячески стараемся приготовить, чтобы преподаваніе шло въ порядкѣ, и опредѣляемъ въ головѣ планы занятій». Старецъ: «Вотъ видите ли, что самое начало ваше гордое, высокоумное и самопадѣнное. Не лучше ли такъ поступить: когда вы идете на дѣло, сначала помолитесь ко Господу Богу усерднѣе, чтобы Онъ Самъ управлялъ вашимъ дѣломъ во славу Свою, и смирите себя, сознавая свое безсиліе и неможеніе, ибо безъ помощи Божіей мы и рта разинуть не можемъ. Итакъ, если вы

будете держать умъ свой въ смиреніи и во время вашихъ занятій въ классѣ будете прибѣгать умомъ съ молитвою ко Господу и отъ Него будете ждаты себѣ помощи, то повѣрьте, тогда вы будете всегда мирны и спокойны.

Наставникъ. Весьма трудно бываетъ удержаться отъ раздраженія, когда предъ тобою стоятъ юноша и оскорбляетъ, говоря ложь.

Старецъ. Никакой разумный человекъ не станетъ раззорять свой душевный домъ и устроить домъ сосѣда. При такихъ случаяхъ надо себя разсмотрѣть, не оскорбляется ли наше самолюбіе и не работаемъ ли мы своей гордости. Если подобными страстями у насъ возмущено сердце, то лучше промолчать.

Наставникъ. Но если молчать при такихъ случаяхъ, то что же будетъ? и слушаться насъ не будутъ.

Старецъ. Вы только въ то время сохраните себя въ молчаніи, когда сердце ваше возмущено. Само молчаніе ваше вразумитъ болѣе того, чѣмъ если бы вы сказали словъ 20 во время вашего возмущенія. Когда же умиротворится ваше сердце, тогда за дурной поступокъ накажите, кто какого заслужилъ наказанія, только бы все это было не по страсти, а по любви вашей къ тому лицу, потому что вы искренно желаете ему пользы. Тогда вы будете всегда мирны и спокойны.

Въ томъ, что съ нами случается скорблага, большего частію сами бываемъ виновны, почему и страждемъ отъ нашего внутренняго настроенія. При такомъ неустроеніи, если человекъ не приложитъ старанія о себѣ и не обратитъ вниманія на свое сердце, то не можетъ быть никогда миренъ и спокоенъ.

Вопросъ. Батюшка, почему нынѣ такъ гонять этотъ путь старчества, т.-е. хожденіе къ старцу и откровеніе ему своихъ мыслей, словъ и дѣлъ? А вѣдь въ древнія времена этимъ путемъ шли многіе и благоугодили Господу; нынѣ же въ рѣдкихъ монастыряхъ соблюдается этотъ порядокъ или совсѣмъ не соблюдается. Очень прискорбно бываетъ видѣть и слышать, какъ нѣкоторые глумятся надъ тѣми, которые желаютъ частою исповѣдію предъ духовникомъ или старцемъ исправлять свои недостатки

или избавиться отъ злыхъ помысловъ, какими бываютъ боримы и смущаемы. Нерѣдко этимъ глумленіемъ они смущаютъ и соблазняютъ неокрѣпшихъ еще въ монашеской жизни, и тѣ оставляютъ исповѣданіе помысловъ старцу, дабы не быть осмѣянными отъ людей „возлюбивъ нынѣшній вѣкъ“ (2 Тим. 4, 10).

Отвѣтъ. Врагъ человѣческаго спасенія излилъ свою злобу на работающихъ Господу Богу. Онъ понимаетъ, какую пользу для своей души пріобрѣтаетъ человѣкъ чрезъ исповѣданіе своихъ мыслей и дѣлъ. Если бы люди совѣтовались обо всемъ со старческой опытностію, то не было бы въ мірѣ ни убійства, ни воровства, ни другихъ пороковъ, но водворились бы вездѣ любовь и милосердіе. Путь откровенія и исповѣданія грѣховъ духовнику очень древній по происхожденію. Такъ, примѣръ его показалъ св. Іоаннъ Предтеча, проповѣдникъ покаянія; за нимъ св. Апостолы. Св. Ап. Іоаннъ Богословъ говоритъ: „аще исповѣдуемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи и очиститъ насъ отъ всякія неправды“ (1 Іоан. 1, 9); въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „творяй истину грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ суть содѣлана“ (Еванг. Іоанна 3, 21); и св. Ап. Павелъ: „все являемое свѣтъ есть“ (Ефес. 5, 13). У св. Григорія Богослова мы читаемъ: „не медди исповѣдать твой грѣхъ, чтобы здѣшнейку срамотою избѣжать будущей срамоты“ (см. послѣдованіе исповѣди). То же говорили и всѣ св. отцы. Но вѣрь несомнѣнно: на общей исповѣди въ одинъ разъ гдѣ же все припомнить и познать всѣ свои недостатки, чтобы получить достойное врачеваніе всѣхъ пороковъ душевныхъ? Это много удобнѣе при постоянномъ наблюденіи надъ собою и при постоянной исповѣди своему духовнику. Но кто такъ будетъ постоянно поступать, противъ того всегда будутъ вооружаться нездравомыслящіе люди, будучи послушными орудіями врага спасенія человѣческаго. Противники Богу суть тѣ, которые не только повелѣнія Господни сами не приняли и отвергли, но и сильно вооружаются противъ исполняющихъ оныя, какъ говоритъ св. Іоаннъ Лѣтвичникъ (Степ. 1-я, ст. 1). Да, печально и прискорбно слышать

подобное. Сколько разъ мнѣ случалось видѣть и слышать, съ какою трудностію и сильною борьбою нѣкоторые идутъ къ духовнику исповѣдывать свои недостатки. А тутъ еще встрѣчаютъ препятствія даже отъ своихъ собратьевъ, которые дѣлаются орудіемъ діавола, препятствующаго доброму дѣлу, сами не зная того. Видя это, подивисься и печалію исполнишься, смотря на коварство врага нашего спасенія діавола, какъ онъ опутываетъ своими сѣтями повинующихся его хотѣніямъ. А кто не соглашается на эти злыя и порочныя дѣла, тотъ никогда не воспрепятствуетъ частой исповѣди предъ духовникомъ; напротивъ, всегда одобритъ и похвалитъ это умное дѣло. А намъ смотрѣть на эти козни вражіи не слѣдуетъ, но идти путемъ, какой указали святые отцы, т.-е. учащать исповѣдь и откровеніе помысловъ и поступковъ нашихъ духовнику до самаго нашего послѣдняго издыханія, дабы смерть насъ застала въ покаяніи и исповѣданіи своихъ грѣховъ.

Ученикъ. То, батюшка, скорбно, что путь старчества гонятъ старцы, сѣдинами украшенные.

Старецъ. Чему же, брате мой, въ этомъ дивиться, если и сѣдинами украшенные старцы этимъ путемъ не шли сами, и не испытали, и не знаютъ отъ него великой пользы для души. Путь старчества самый спасительный и удобный ко спасенію и потому-то всѣ почти древніе отцы шли по нему и благоугодили Господу Богу.

Вопросъ. Батюшка, бываетъ иногда такъ тяжело, а совѣтоваться не съ кѣмъ; къ вамъ написать, отвѣта долго не дождешься, а нужно очень скоро, научите, какъ мнѣ поступать?

Отвѣтъ. Трижды помолись Богу и куда помысль склонится, такъ и поступиай (Руководство къ духовной жизни, отвѣтъ 711).

Вопросъ. Батюшка, почему вы такъ мало говорите и говорите только то, что необходимо, хотя бы я желалъ болѣе знать и слышать отъ васъ?

Отвѣтъ. О, брате мой, не желай безъ времени о многомъ знать, старайся опытомъ и дѣломъ учиться, тогда вѣрнѣе обо всемъ будешь знать. Намъ старцы говари-

вали: „если человекъ богатѣетъ мѣрскими благами, тогда онъ бываетъ скупѣе и расчетливѣе, а у кого приходъ съ расходомъ равенъ бываетъ, тотъ не бережетъ копейки“, — такъ же и въ духовной жизни бываетъ.

Вопросъ. Батюшка, скажите Бога ради, какая польза бываетъ отъ откровения помысловъ старцу?

Отвѣтъ. Чадо, тебѣ еще рано знать пользу отъ откровения; а сначала надо потрудиться въ откровении помысловъ съ самопосрамленіемъ и съ самоукореніемъ, и тогда ты, при Божіей помощи, самъ безъ объясненія поймешь пользу исповѣданія помысловъ; а теперь, если я и скажу тебѣ что либо, все то будетъ для тебя загадочное и не понятное, подобно тому, какъ говорили отцы, что, если кто вкуса меда не испыталъ, тому сколько ни объясняй про сладость меда, для него все это будетъ непонятно.

Вопросъ. Батюшка, простите Бога ради, хотя, какъ вы говорите, для меня и непонятно будетъ объясненіе пользы отъ исповѣданія помысловъ, но прошу васъ, хотя чтонибудь сказать для поддержанія усердія моего очищать умъ и сердце откровеніемъ грѣховныхъ мыслей и чувствъ.

Отвѣтъ. Чадо, святыи пророкъ Исаія говорилъ о Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ и о воплощеніи и распятіи Христа, а людямъ жившимъ тогда все то было непонятно, когда же исполнилось его пророчество, то всѣмъ яснѣе бѣлаго дня стало ясно. Такъ и для тебя будетъ теперь неясно объясненіе пользы отъ откровения, а тогда лишь, когда познаешь самымъ дѣломъ; но чтобы тебѣ тогда увѣриться въ это и нашимъ словамъ и твоимъ дѣломъ, по слову писанія: всякъ глаголь да станетъ при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей (Мѣ. 18, 16) скажу тебѣ слѣдующее:

Цѣль исповѣданія — угодить Богу и спастись. Человекъ открываетъ мысли и дѣла старцу какъ бы самому Богу и просить черезъ это указаній, что хорошо — что худо, что дѣлать — чего не дѣлать, зазираетъ себя въ нечистыхъ мысляхъ и дѣлахъ, и старается какъ можно скорѣе и чаще исповѣдывать ихъ отцу и чрезъ него

получить прощеніе отъ самого Бога. А если человекъ искренно исповѣдуетъ все свое внутреннее грѣховное состояніе, то тѣмъ самымъ сознаетъ и чувствуетъ себя низкимъ не только передъ Богомъ, но и передъ старцемъ и всѣми людьми, и даже передъ животными; а чрезъ это онъ себя укоряетъ, самопосрамляетъ, смиряется предъ всѣми, и бываетъ всѣмъ послушенъ и милъ; и Господь, видя его смиреніе, просвѣщаетъ его свѣтильникъ, т. е. умъ и сердце, и тогда онъ уже самъ, благодатію Божіею направляемый, видитъ правый путь Божій, потому что самъ Господь его наставникъ; а отъ сего уже въ самомъ началѣ подвига жизнь идетъ покойно и мирно, ибо истиннымъ откровеніемъ всѣ опасности показываются и минуются.

Вопросъ. Батюшка, нѣкоторые говорятъ, что хотя они ходятъ къ старцамъ но, повидимому, живутъ далеко хуже тѣхъ, которые не ходятъ съ откровеніемъ, ибо эти и въ церковь часто ходятъ и вообще все исполняютъ точно и неопустительно.

Отвѣтъ. Чадо, развѣ ты не знаешь, что говорить преп. Іоаннъ Лѣствичникъ о живущихъ въ повиновеніи: живущіе въ повиновеніи видятъ себя, хуже прежняго состоянія, даже идущими назадъ; и еще: необходимо, чтобы море сіе поколебалось, возмутилось и разсвирѣпѣло, дабы посредствомъ сего волненія извергнуть на землю хворость, сѣно и все гнилое, что только рѣвки страстей внесли въ него *); т. е. что имъ нужно претерпѣть всевозможныя мысленныя брани, чтобы изгнать изъ сердца всякую нечистоту.

А о тѣхъ, которые, повидимому, живутъ исправно преп. Теодоръ Студитъ говорить въ 12-мъ словѣ слѣдующее: хотя и страшно сказать, однако скажемъ, что Богъ нѣкоторыхъ, совершенныхъ по образу, отлучить отъ сонма братіи и пошлетъ ихъ въ муку; т. е. тѣхъ, которые здѣсь живутъ безъ повиновенія и по своей волѣ, и руководствуются своимъ разумомъ.

Вопросъ. Батюшка, простите меня, отчего я впалъ въ такую безпечность, что и правила не исполняю, а если и

*) Слово 4, 59.

исполню когда, то кратко нерадиво; поплюю, поѣмъ рано, часто и много, и мало молясь Богу; и съ помыслами нечистыми не борюсь, а иногда даже увлекаюсь и услаждаюсь ими; сплю сколько хочу; въ церкви стою разсѣянно и мало о всемъ этомъ печалюсь.

Отвѣтъ. Чадо, все это бываетъ отъ невниманія къ самому себѣ, отъ забвенія того, для чего ты сюда пришолъ и на что призванъ, и отъ неимѣннѣя страха Божія. Если бы ты имѣлъ въ себѣ страхъ Божій, то старался бы какъ можно болѣе славословить и благодарить Господа Бога за его явленныя тебѣ благодѣянія и, какъ добрый воинъ предъ воеводою, съ любовію сотворилъ бы вся повеленная тебѣ: пилъ и ѣлъ бы во время и умѣренно, удерживаясь представленіемъ пищи червей и зловонія, нечистыя мысли отвергалъ бы отъ себя какъ скверную одежду, боясь какъ бы не оскорбить Господа, со сномъ боролся бы и бодрствовалъ, ожидая, что вотъ, вотъ позоветъ Господь на судъ и потребуеть отвѣта.

Вопросъ. Батюшка, отчего бываетъ, что иногда прихожу въ умиленіе, и тогда вижу сколько блаженства въ жизни ради Бога и по Божьи; и помолюсь тогда потеплѣе, и въ грѣхахъ себя укорю, видя свое недостоинство, и думаю—теперь положу начало исправленію. А черезъ нѣсколько времени опять попрежнему впадаю въ нерадѣніе; и всѣ эти добрыя чувства какъ то скоро забываются и рѣдко опять возвращаются.

Отвѣтъ. Чадо, вѣдь и на небѣ бываетъ то свѣтло, то темно, такъ и въ душѣ у насъ. И мы при этихъ рѣдкихъ проясненіяхъ чувствъ и мыслей должны болѣе смиряться и укорять себя, видя свою черноту, и какъ грѣшныя со смиреніемъ просить у Бога помилованія и благодати, чтобы положить начало исправленія; ибо трудъ есть, и терпеніе нужно, и молитва со смиреніемъ о помощи отъ Бога въ дѣлѣ исправленія своего передъ Богомъ.

Вопросъ. Батюшка, отчего я часто забываю что, для чего я призванъ Богомъ?

Отвѣтъ. Оттого, что предался лѣности и нерадѣнію; а если бы помнилъ, что званъ на обѣдъ въ царствіе

Божіе, тогда бы со всѣмъ усердіемъ старался дѣлать достойное, и непрестанно бы молилъ Господа, чтобы не быть оттуда изгнаннымъ, а свечерять съ избранными Его.

Вопросъ. Батюшка, отчего я до утрени не имѣю силъ вставать, хотя и желалъ бы встать и помолиться Богу и почитать, чтобы утреннее пѣніе совершать бодренно?

Ответъ. Оттого чадо, что не помнишь своихъ согрѣшеній передъ Богомъ; а если бы помнилъ, то какъ отъ бича или горячей сковороды вскочилъ бы отъ постели своей умолять Господа о прощеніи согрѣшеній своихъ и благодарить за Его великія милости къ тебѣ и долготерпѣніе.

Вопросъ. Батюшка, отчего я впадаю въ осужденіе другихъ?

Ответъ. Оттого братъ мой, что не сознаешь важности своихъ грѣховъ передъ Богомъ, а свои и великіе грѣхи забываешь или малыми считаешь, а братнее согрѣшеніе малое и ничтожное увеличиваешь, какъ достойное всякаго наказанія; а отъ сего не имѣешь любви къ брату и осуждаешь.

Вопросъ. Батюшка, помолитесь, чтобы Господь избавилъ меня отъ зла—осужденія ближняго; и скажите, что мнѣ дѣлать, чтобы при помощи Божіей и вашими святыми молитвами избавиться отъ сего лютаго недуга?

Ответъ. Братъ мой, намъ должно какъ во всякой добродѣтели, такъ и въ этомъ учиться у самого Господа. А Господь учить, что свои согрѣшенія должно видѣть какъ бревно, а ближняго грѣхи какъ сучекъ или лучше совсѣмъ не видать.

Помолимся же вмѣстѣ словами преп. Ефрема Сирина: Господи, даруй ми зрѣти моя согрѣшенія и не осуждати брата моего, и Господь, обѣщавшій исполнить прошенія двоихъ или троихъ, за молитвы святыхъ подастъ избавленіе отъ сего злого недуга.

Вопросъ. Батюшка, нѣкоторые, если замѣтятъ за живущимъ въ повиновеніи у старца какія нибудь немощи, какъ у человѣка, приводятъ слова Спасителя: „Вотъ

оцѣждающіи комары, вельблуды же пожирающе; остависте вящшая закона, судъ и милость“. (Мѡ. 23, 23—24); т.-е. какъ бы говорятъ: вотъ ходите къ старцамъ, а живете не какъ должно; главное не въ этомъ, а въ смиреніи, любви и милосердіи.

Отвѣтъ. Чадо, кто же словамъ Господа не вѣритъ. Конечно и сіе подобаетъ творить и оныхъ не оставлять, т.-е. мысли исповѣдовать и смиреніе и любовь являть. Да вѣдь дабродѣтели то сами не даются, а, по милости Божіей, трудомъ снискиваются по псаломѣвцу—трудъ есть, дондеже впику во святило Божіе (Пс. 72, 16—17). Св. Іоаннъ Лѣствичникъ такъ и говоритъ, что трудъ изъ трудовъ исповѣдовать мысли нечистыя и хульныя, но зато чрезъ самопосрамленіе, при помощи Божіей, человѣкъ приходитъ въ познаніе своей немощи, а чрезъ сіе въ самоукореніе и смиреніе, и видя, что безъ помощи Божіей ничего сдѣлать добраго не можетъ, вопіемъ ко Господу о помощи немощному, и получаетъ просимое за свое смиреніе и за молитвы отцовъ, и, помня Благодарителя, любитъ Его, какъ Всеблагого и всѣхъ благъ исполненнаго.

Истинная любовь бываетъ отъ сознанія своей грѣховности и смиренія; смиренный, видя вокругъ себя все доброе, себя почитая хуже всѣхъ, проникается къ другимъ святою любовію, и, какъ получившій отъ Бога помощь въ своихъ немощахъ, и сознавая сколь болѣзненно быть мучиму страстями, исполняется милосердія къ каждому обладаемому отъ страстей; помогаетъ ему словомъ, и молится съ нимъ Господу о помощи, и всѣмъ существомъ своимъ милуетъ такового.

Но евангельская любовь можетъ незамѣтно смѣшаться съ чѣмъ либо страстнымъ и противнымъ духу Евангелія и лишь тотъ, кто чрезъ откровеніе и исповѣданіе помысловъ достигъ истиннаго разсужденія, сможетъ примѣтить эти неправильныя уклоненія и тѣмъ удержится отъ впаденія въ грѣхъ или страсть.

Отсюда слѣдуетъ, что истинное смиреніе и любовь могутъ быть достигнуты чрезъ исповѣданіе помысловъ; и напрасно, по этому, охуждаютъ тѣхъ, кои ходятъ къ

старцамъ на откровеніе, а повидимому живутъ нерадиво,— ибо вдругъ не переѣмнишься, а пройдетъ извѣстный срокъ тогда и они начнутъ жить благочестиво.

Вопросъ. Меня смущаетъ помысль, для чего нѣкоторые духовные отцы и начальники монастырей не даютъ новоначальнымъ послушникамъ исполнять своей воли или заниматься тѣмъ, къ чему они способны; напр., я хорошій поварь, или хорошій ремесленникъ, или ученый, я могъ бы, занимаясь своимъ дѣломъ, исполнять его съ большимъ усердіемъ и пользой для обители; или напр., у меня есть желаніе поститься, или много молиться — а заставляютъ дѣлать иногда то, чего я совсѣмъ бы не желалъ. Съ какой цѣлью они такъ поступаютъ?

Отвѣтъ. Главная и единственная цѣль поступленія въ обитель—это спасеніе души, ибо монастырь есть такое собраніе духовное, гдѣ человекъ можетъ удобнѣе, чѣмъ въ міру, сосредоточить свое вниманіе на своей внутренней жизни, легче слѣдить за своими мыслями, чувствами и желаніями. Здѣсь, въ монастырѣ, подъ руководствомъ духовныхъ отцовъ, при чтеніи отеческихъ писаній онъ, конечно, яснѣе увидитъ свои недостатки; если же ему разрѣшить поступать во всемъ по своей волѣ, то онъ можетъ впасть въ тщеславіе или въ гордость, и это можетъ нанести ему большой вредъ; ибо главное условіе доброй жизни въ монастырѣ—отвѣченіе своей воли; вотъ поэтому-то духовные наставники и не разрѣшаютъ послушникамъ исполнять ихъ волю.

Вопросъ. Такъ поступать можетъ быть слѣдуетъ съ тѣми, у которыхъ нѣтъ никакихъ дарованій; но вѣдь можетъ случиться, что у кого-либо будутъ способности къ какому нибудь занятію, отчего бы не дать ему усовершенствоваться въ нихъ?

Отвѣтъ. Мало-ли было способныхъ людей, которые увлекались своими способностями; и, увлекшись ими, возмѣчтали о себѣ, вступили на путь гордости и самолюбія и погибали безвозвратно. Цѣль же всякаго приходящаго въ монастырь должна быть та, чтобы усовершенствовать своего внутренняго человека, чтобы достичь той простоты, въ которой былъ первый человекъ Адамъ до

преступленія; и которой онъ лишился чрезъ грѣхопаденіе, начавъ поступать по своей волѣ вопреки заповѣдямъ Божиимъ. Въ Житіяхъ святыхъ есть примѣръ того, какъ старецъ запрѣтилъ своему ученику заниматься тѣмъ, къ чему у него были способности, и заставилъ его исполнять самую грязную работу. Это въ житіе св. Іоанна Дамаскина 4 дек.

Вопросъ. Почему святые мученики, претерпѣвая такія ужасныя мученія не ощущали никакой боли и страданій?

Ответъ. Случалось тебѣ видѣть, что сильно напившіеся вина не чувствуютъ никакой боли когда ихъ бьютъ; такъ и святые мученики, когда на нихъ сходила благодать святаго Духа, не чувствовали ничего, что съ ними дѣлалъ; но, конечно, чтобы получить сію благодать, надо имѣть твердую рѣшимость претерпѣть все за Христа.

4. Объ исповѣданіи помысловъ старцу.

Вопросъ. Батюшка, нѣкоторые, приходя въ обитель, говорятъ, что теперь нѣтъ такихъ старцевъ, которые могли бы руководить къ спасенію души, и живутъ никѣмъ неуправляемые; нѣкоторые изъ нихъ предаются потомъ безопасности.

Ответъ. Хотя грѣхъ ради нашихъ и нѣтъ нынѣ старцевъ такихъ, какіе были прежде, но кто истинно хочетъ спастись, тому Господь не дастъ погибнуть и пошлетъ ему старца; или же Самъ ими же вѣсть судьбами вразумитъ его; а это говорятъ тѣ, которые не хотятъ смирить своего сердца и своего мудрованія; тѣмъ весьма трудно спастись.—Праведникъ же не оскудѣетъ на земли до скончанія вѣка (Руководство къ духовной жизни Варсонофія Великаго и Іоанна. Св. Нифонта отв. 4-й).

Вопросъ. Батюшка, почему случается съ нѣкоторыми изъ монашествующихъ и даже съ мірекими, что имъ представляются видѣнія и страхованія, или умъ ихъ омрачается помыслами, а между тѣмъ у нихъ было также намѣреніе спастись?

Отвѣтъ. Господь и Богъ нашъ хочетъ всёмъ спастися; мы такъ себѣ не желаемъ спастися, какъ Онъ намъ этого желаетъ. А случается это съ такими людьми большею частію отъ высокоумія, гордости и осужденія другихъ; когда предпринимаютъ они подвигъ, то ни съ кѣмъ не хотятъ посовѣтоваться, живутъ по своей волѣ, отъ того и погибаютъ.

Вопросъ. А можно ли имъ надѣяться спастися?

Отвѣтъ. Можно, если они захотятъ, только трудно это. Старцы намъ говаривали: „горбатаго могила только исправить“. А впрочемъ отчаиваться не надо: милосердія у Господа неисчерпаемая пучина. Но, во-первыхъ, имъ надо сдѣлаться подобными малымъ дѣтямъ и ничего безъ благословенія не дѣлать; обо всемъ надо совѣтоваться, конечно, не со всёми, а къ кому имѣютъ довѣріе, — съ своимъ духовнымъ отцомъ или съ братомъ, имѣющимъ духовный разумъ.

Вопросъ. Батюшка, всё ли святые жили подъ руководствомъ старцевъ?

Отвѣтъ. Нѣтъ, не всё; многіе и безъ руководителя угодили Богу. Примѣровъ такихъ много: такова препод. Марія Египетская; у ней было уязвлено сердце теплотою скорби о грѣхахъ своихъ. Она сознавала свою грѣховную жизнь и удалилась въ отдаленную безлюдную пустыню, и какія тамъ ни предпринимала подвиги и зло-страданія, все считала себя великою грѣшницею; чрезъ это стяжала она себѣ нищету духовную и просіяла, яко свѣтило, на земли; и до сего дне ее святая Церковь ублажаетъ и почитаетъ. Такъ и къ старцу ходятъ не ради чего иного, какъ ради того, чтобы смирить свое мудрованіе и переломить свою злую волю, дабы сдѣлать ее покорною волѣ Божіей, и исполнять заповѣди Господни въ послѣдствіи безъ труда.

Вопросъ. Батюшка, непременно ли слѣдуетъ всёмъ имѣть старца для руководства въ духовной жизни, и не достаточно ли, какъ говорятъ нѣкоторые, читать духовныя книги?

Отвѣтъ. Когда обучаютъ дѣтей своихъ грамотѣ, то зачѣмъ ихъ отдають въ училища и нанимають учителей,

которые бы растолковывали, что написано въ книгахъ? Дали бы имъ однѣ книги и учебники, и пусть бы учились сами безъ учителей? И это дѣлаютъ для обученія наукамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, хотя науки полезны только въ адѣйней кратковременной жизни. Какъ же столь пренебрегаютъ душею безсмертной, говоря, что не нужно руководить къ жизни духовной?

Вопросъ. Батюшка, я замѣчаю, что только немногіе изъ тѣхъ, которые говорятъ, что теперь нѣтъ старцевъ и принимаются за чтеніе книгъ, пріобрѣтаютъ сердечную теплоту и разсужденіе: отчего это бываетъ съ ними?

Отвѣтъ. Если кто истинно хочетъ спастися, то Господь и въ нынѣшнемъ вѣцѣ пошлетъ ему наставника невидимо. А въ Св. Писаніи, какъ свидѣтельствуеть Ап. Петръ, „суть неудобь разумна нѣкая, яже пенаучени и неутверждени развращаютъ къ своей погибели имъ“ (2 Петр. 3, 16). Оттого многіе изъ читающихъ впадаютъ въ лжеученіе, ереси и расколы. Въ чтеніи Божественнаго Писанія непремѣнно нуженъ наставникъ. Мы читаемъ въ Дѣянїяхъ святыхъ Апостоловъ, что, когда св. Апостоль Филиппъ спросилъ каженика царицы Муринскія, читавшаго книгу пророка Исаїи разумѣеть ли онъ, что читаетъ, тотъ отвѣчалъ: „како убо могу разумѣти, аще не кто наставитъ мя?“ (Дѣян. 8, 31). Когда я жилъ еще въ Оптиной пустыни, многіе новоначальные покупали себѣ священныя душеполезныя книги, напр., Добротолубіе и др., и говорили: „вотъ намъ старецъ—книги“. Но ни въ одномъ изъ нихъ толку не оказалось. Дѣйствительно, они изошряли свой умъ учить другихъ, а сами на дѣлѣ проходить добродѣтели не научились. Это случается и въ міру: если кто-нибудь читаетъ, или спрашиваетъ о торговлѣ, или мастерствѣ какомъ, а самъ на опытѣ заниматься этимъ не будетъ, то какъ же онъ можетъ научиться сему?

Вопросъ. Батюшка, что же дѣлать, если дѣйствительно человѣкъ не находитъ такого, который растолковалъ бы ему Писаніе?

Отвѣтъ. Ищи, и обрящешь; ищи усильно, и найдешь. Если человѣкъ усердно помолится ко Господу Богу, то

послѣ этого всякое малое отроча скажетъ ему на пользу его душѣ. А то, что иные будто желали бы найти руководителя, но не находятъ, — говорятъ тѣ, которые не хотятъ смириться. Къ тому же и врагъ рода человѣческаго, который всегда хочетъ нашей гибели, препятствуетъ: знаетъ онъ, что, если кто со смиреніемъ будетъ искать совѣта у человѣка опытнаго въ духовной жизни, то этотъ разъяснить спрашивающему коварство врага (какъ писать св. авва Дороей въ поученіи 5-мъ).

Вопросъ. Батюшка, простите меня Господа ради, я опять помыслами смущаюсь: ищу опытнаго старца и не нахожу по себѣ; все мнѣ думается, что недостаточно такъ жить, какъ вижу ихъ живущими. Если бы по моему, то надо бы имъ лучше жить.

Отвѣтъ. О, брате мой, если не смиришь себя и не отсѣчешь своей воли, никогда себя не успокоишь: ищи сначала въ себѣ царство небесное, тогда найдешь и въ людяхъ. Сказано въ Писаніи: „и врази человѣку домашній его“ (Матѣ. 10, 36); вотъ съ этими-то врагами и надо намъ бороться. Когда будемъ бороться и познаемъ свою немощь и безсиліе, что безъ Божіей помощи мы сами ничего не можемъ сдѣлать, тогда сочтемъ мы всякаго человѣка лучшимъ себя и найдемъ благопотребнаго для себя руководителя.

Вопросъ. Батюшка, отчего между старцами такъ мало можно встрѣтить искусныхъ, — бываетъ даже, что иные старцы и святые, и мало искусны?

Отвѣтъ. Святыми, но неискусными бываютъ тѣ, которые сохранили въ себѣ благодать по св. крещеніи. Они, воспріявъ ревность о спасеніи, вскорѣ освящаются, не испытывая бореній, какія обычны для падавшихъ по крещеніи. Какъ они не испытали борьбы, то и совѣтниками въ семь дѣлѣ быть не могутъ¹⁾. Но есть и такіе святые, которыхъ только міръ почитаетъ святыми и ублажаетъ, какъ прозорливцевъ, — и къ такимъ не прилѣпляютъ. Намъ старцы говорили: „ищи себѣ старца не столько святаго, сколько искуснаго и опытнаго: бываетъ мно-

1) Дополненіе преев. Теофана къ отвѣту о. Александра.

го святыхъ старцевъ, но мало искусныхъ. Надо совѣтоваться съ людьми благоразумными и сострадательными и имѣющими духовный разумъ, — особенно же ищи себѣ такого старца, который имѣетъ нищету духа, кроткаго и смиреннаго и прочими добродѣтелями украшеннаго, какъ пишетъ св. Ап. Павелъ (Гал. 5, 22, 23). Такіе большею частію отъ міра бываютъ презираемы, ихъ міръ ненавидитъ, какъ о нихъ Господь сказалъ въ св. Евангеліи (Іоан. 15, 18 — 19). Блаженъ человекъ, который обращетъ опытнаго и искуснаго кормчаго для своего спасенія.

5. О чтеніи книгъ и молитвъ.

Вопросъ. Батюшка, у меня помысль есть купить книгъ и читать; какъ благословите?

Отвѣтъ. Выучи то, что уже читаль; а то (если) много будешь знать, отъ многого знанія у тебя будетъ надменіе; болѣе занимайся молитвою Иисусовой. Тогда не захочешь и книгъ никакихъ читать, когда она тебя будетъ улаждать и научать.

Старца спрашивала схимонахиня Смарагда: „у меня, батюшка много книгъ: благословите, я вамъ пришла для чтенія“.

Старецъ отвѣчалъ: „нѣтъ, не надо“.

Схимонахиня говоритъ: „почему?“

Старецъ отвѣчаетъ: „потому что умъ у насъ одинъ; если онъ ослабѣетъ въ книжномъ чтеніи, то трезвенно не можетъ молиться. А я нахожу болѣе полезнымъ для себя заниматься молитвою“.

Вопросъ. Батюшка, благословите ли мнѣ прочесть вотъ эту книгу, которую подарилъ мнѣ одинъ братъ?

Отвѣтъ. Эту книгу неполезно читать: тебѣ надо читать такія книги, которыя учатъ, какъ побѣждать страсти.

Вопросъ. Батюшка, когда я читаю какія-нибудь духовныя книги и найду что-либо назидательное, то помысль внушаетъ мнѣ ихъ выписывать; какъ благословите?

Отвѣтъ. Нѣтъ, ты не выписывай. Врагъ хочетъ только отнять у тебя время, дабы отклонить отъ молитвы.

Если бы ты зналъ, какія онъ дѣлаетъ усилія, чтобы отклонить челоуѣка отъ молитвы; онъ бы готовъ былъ дать тому челоуѣку всё сокровища міра. Знаетъ онъ коварный, какія челоуѣкъ пріобрѣтаетъ блага чрезъ молитву.

Вопросъ. Батюшка, какія мнѣ лучше читать книги?

Отвѣтъ. Паисія Величковскаго, Іоанна Лѣствичника, Серафима Саровскаго съ приложеніемъ правилъ о молитвѣ Іисусовой, Ісихія Іерусалимскаго, Аввы Дороеея и прочія, которыя поучаютъ добрымъ дѣяніемъ и молитвѣ. Но читай меньше, а больше занимайся молитвой.

Старцу говорили нѣкоторые ученые монахи, кончившіе курсъ богословія: „новоначальнымъ послушникамъ и монахамъ хорошо и полезно давать читать толковое Евангеліе и Апостоль“.

Старецъ отвѣтилъ: „Никто не можетъ ихъ порицать за это чтеніе, ибо на сихъ книгахъ вся вѣра наша основана. Святой Макарій Египетскій говоритъ такъ: „Евангеліе показываетъ прямо, какъ надо полотно ткать, а Апостоль поясняетъ, какъ и волну приготавливать“ (Слово 5, гл. 19). Надо жить по Евангелію и Апостолу, чтобы пріобрѣсти и опытъ, который всему научить; безъ опыта, если и будемъ читать эти книги, будемъ знать это дѣло поверхностно и умъ свой острить, но сердце мало будетъ сочувствовать читаемому. Лучше всего и полезнѣе всего новоначальному забыть свое я, повергнуть свое мудрованіе подъ ноги благоразумныхъ людей, отсѣчь свою волю и отвергнуться себя, взять крестъ, какъ Господь говорить во св. Евангеліи (Мар. 8, 34). Трудно спастись безъ смиренія. Хотя бы мы познали всю мудрость сего вѣка, но если у насъ не будетъ смиренія, то толку никакого не будетъ, и душа наша будетъ пуста, если только на одномъ познаніи будемъ основываться.

6. Объ отношеніяхъ къ братіи.

Вопросъ. Какъ посоветуете поступить, батюшка, если въ келліи пью чай или что вкушаю, и придетъ ко

мнѣ какой - либо братъ, то пригласить ли его вкусить или нѣтъ?

Отвѣтъ. Нѣтъ, не приглашай; если ты приучишь себя приглашать, то никогда не будешь спокоенъ.

Вопросъ. Нѣкоторые изъ братіи приглашаютъ меня къ себѣ въ келлію и предлагаютъ при этомъ сластей; какъ мнѣ поступать?

Отвѣтъ. Если съ богатыми будешь знаться, то и Бога забудешь.

Вопросъ. Если придетъ къ намъ въ коридоръ какой-либо братъ или мірской человѣкъ, и я слышу изъ келліи, что пришелъ кто - то, слѣдуетъ ли мнѣ отворить двери келліи своей и спросить, что ему надо, или не слѣдуетъ?

Отвѣтъ. Нѣтъ, не надо отворять, а если подойдетъ къ келліи твоей и постучится, то другое дѣло.

Впрочемъ, о. Александръ совѣтовалъ избѣгать только праздныхъ бесѣдъ съ братіей, которыя, не принося пользы, отвлекали отъ молитвы и вниманія къ себѣ; когда же требовала необходимость быть съ братіей, то не совѣтовалъ уклоняться. Таковы, напр., совѣты его монахинѣ Каллисѣеніи.

Вопросъ. Что мнѣ дѣлать, я скорблю? Послушаніе мое суетное и многолюдное; въ келліи живу не одна, не нахожу времени и мѣста, чтобы собрать помыслы и помолиться.

Отвѣтъ. Препод. Феодосій Великій говоритъ (житіе 11 января), что не въ уединеніи тѣла, а въ предательствѣ предъ Богомъ и тишинѣ сердечной совершается монашеское житіе.

Вопросъ. Батюшка, иногда послѣ вечерни приходитъ какая-либо сестра, желаетъ поговорить со мною о послушаніи или о какой скорби, принять ее или отказать? Когда откажу, то скорблю, а если приму и поговорю, то послѣ времени не нахожу прочесть правило; что мнѣ дѣлать?

Отвѣтъ. Прими и утѣшь сестру, а когда не можешь совершать правило, то сядь и твори молитву Іисусову, сколько можешь, одинъ часъ или полчаса, и вмѣнитя

это вмѣсто правила, а если откажешь, то отнимется благодать.

Вопросъ. Когда я вижу какіе-либо непорядки между сестрами, то слѣдуетъ ли сказать начальницѣ ради пользы ближняго?

Отвѣтъ. Никакъ не говори: одинъ разъ, другой скажешь и обратится это въ привычку. Въ другой разъ старецъ сказалъ объ этомъ монахинѣ Каллисѳеніи: хорошо покрывать немощи и грѣхи другихъ, потому что тогда покроетъ Господь и наши недостатки. Но на все надо имѣть разсужденіе. Если какую-нибудь сестру покроешь въ надеждѣ на исправленіе и увидишь, что она сама сознаетъ себя и раскаивается въ своихъ согрѣшеніяхъ, то это хорошо. А если она въ горшее зло приходитъ, то надо объяснить начальницѣ; она властію своею ее исправить, чтобы душа ея не погибла; для того и учинена отъ Бога власть. За другихъ отвѣчать предъ Богомъ не будешь, всякъ за себя отвѣтъ дастъ Богу. А ежели мы немощному поможемъ къ возстанію или укрѣпленію, то эта добродѣтель не маленькая; сказано: „другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ“ (Гал. 6, 2).

Вопросъ ученика. Почему я началъ часто раздражаться на нѣкоторыхъ, входящихъ ко мнѣ о чемъ либо посовѣтоваться, или спросить ради пользы душевной,—не знаю, что иногда и дѣлать?

Отвѣтъ. Это бываетъ отъ нашего нерадѣнія и небреженія о себѣ, отъ того, что не держимъ себя въ необходимомъ для насъ постоянномъ памятованіи о Господѣ. Каждый входящій къ намъ братъ есть членъ Христовъ, и мы должны принимать его, какъ посланнаго Господомъ, съ полнѣйшимъ вниманіемъ и ласкою. Если бы къ тебѣ былъ присланъ посланникъ отъ царя земного, то, конечно, ты принялъ бы его съ большимъ благоговѣніемъ и радостію. Почему также не принять и каждаго брата, какъ присланнаго къ тебѣ отъ Царя царствующихъ ради обоюдной душевной вашей пользы? Если ты не будешь принимать проходящихъ и ласково обходиться съ ними, то Господь отниметъ отъ тебя благодать и дастъ творящему плоды Его (Мѡ. 21, 43).

Вопросъ ученика. Я иногда думаю отказаться отъ послушанія, возложеннаго на меня властію. Держусь той мысли, что въ безмолвіи мнѣ удобнѣе сосредоточиться и внимать себѣ. При настоящемъ же моемъ послушаніи я не нахожу времени, чтобы хорошенько собраться въ себя. Чувствую нужду въ неотложномъ приготовленіи себя къ будущей жизни; но условія моего теперешняго положенія препятствуютъ тому: память Божія бѣжитъ отъ меня, о чемъ я сильно скорблю?

Отвѣтъ. Отказываться отъ послушанія не всегда полезно. Достоверно ли ты знаешь, что въ безмолвіи ты легче сосредоточишься и больше будешь помнить Бога? Не обманъ ли это врага? Развѣ при настоящемъ твоёмъ послушаніи нельзя постоянно помнить Бога, ходить предъ Нимъ? Нѣтъ. Очень можно. Св. Каллистъ Патріархъ Константинопольскій былъ поваромъ, стоялъ у печки, и памятовалъ о Господѣ, просіялъ молитвою и вниманіемъ. Фотій Патріархъ былъ сенаторомъ; но, не смотря на свои многосложныя занятія, онъ не давалъ своему уму развлекаться предметами посторонними, мысль его не отходила отъ Бога и былъ онъ, волею Божіею, избранъ на Патріаршій престолъ ¹⁾. Совѣтую и тебѣ пока отклонить отъ себя мысль о перемѣнѣ своего положенія. Время придетъ,—Самъ Господь устроитъ о твоёмъ положеніи, если Ему будетъ угодно.

Вопросъ. Вѣдь если такъ будемъ молчать и никому не будемъ заявлять о своемъ положеніи, то кто же можетъ понять насъ,—кому будутъ извѣстны наши нужды и стремленія?

Отвѣтъ. Опять скажу, что если будетъ угодно Богу, то и безъ всякихъ намѣренныхъ заявленій, усилій и ухищреній со стороны человѣка, люди, которымъ вѣдать надлежитъ, замѣтятъ его наклонности и способности, и дадутъ соответственное ему служеніе или послушаніе. И это будетъ устроено и направлено волею и дѣйствіемъ Самого Промыслителя. Положеніе же, данное по Его все-

¹⁾ См. статью о молитвѣ Иисусовой въ изданіи сказаній о старцѣ Серафимѣ и затворникѣ Маркѣ—1856 г. Москва.

благой, премудрой и всемогущей волѣ, конечно, будетъ прочно, непогрѣшительно и вполнѣ цѣлесообразно и благонадежно.

Вопросъ одного изъ братіи. Занятый какимъ либо послушаніемъ, я иногда вкушаю пищу не въ свое время, т. е. не съ братіею въ трапезной, а въ своей келліи одинъ, и не знаю, какъ поступать съ остатками пищи: вылить куда-либо жалѣю, и думаю, не отдавать ли странникамъ?

Отвѣтъ. Когда я принималъ странниковъ, то никогда не былъ покоенъ, нарушая свое мирное монашеское устройство. Ибо странники много рассказываютъ новостей, расхваливаютъ тѣ и другіе монастыри и заведенные тамъ порядки, а чрезъ это смущаютъ живущихъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Но вѣдь тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ: куда мы ни пойдемъ всюду понесемъ съ собою свои нравы и свои страсти, обуревающія насъ. Не совѣтую тебѣ давать, а лучше оставшуюся пищу спести въ кухню. Въ монастырѣ мы своего ничего не имѣемъ, а все у насъ монастырское и есть даръ намъ Божій. А то ты сдѣлаешь на грошъ барыша (отдавши, какъ милостыню, странникамъ незначительные остатки пищи), а на пяттакъ убытку (лишивъ себя чрезъ ихъ празднословіе необходимаго каждому монаху довольства своимъ монастыремъ и его порядками и причинивъ себѣ разстройство духа).

7. О непревозношеніи и воздержаніи.

Однажды явился къ старцу мірянинъ, присланный для исповѣди Оптинымъ іеросхимонахомъ Амвросіемъ и началъ разглагольствовать о своихъ трудахъ для храмовъ Божіихъ и между прочимъ объ устройствѣ имъ въ одномъ храмѣ прекрасныхъ хрустальныхъ иконостасовъ.

Старецъ. А упражняетесь ли вы въ молитвѣ Іисусовой.

Мірянинъ. О, конечно,—постоянно упражняюсь.

Старецъ. А мы такъ вотъ твердимъ-твердимъ ее, а все таки не можемъ сказать, что постоянно труждаемся

въ ней. — Ваши труды и старанія для благоустроенія храмовъ Божіихъ похвальны, и вы очень хорошо сдѣлали, что потрудились на этомъ поприщѣ. Но строите ли храмъ душевный—внутренній, который выше внѣшняго. Мы сильно нуждаемся въ обновленіи внутренняго чело-вѣка, и въ этомъ много и тщательно нужно потрудиться.

Ученикъ. Батюшка, простите меня Господа ради, я все предаюся невоздержанію чрева и празднословію.

Старець. „Грѣй-ка змѣйку на свою шейку. Ты, какъ невоздержный извозчикъ, который, когда ѣдетъ по дорогѣ, то на каждомъ перепутьѣ останавливается, гдѣ попить, гдѣ поѣсть, такъ что пріѣдетъ домой съ однимъ кнутомъ, даже лошадей и всю сбрую пропьеть. Такъ и чело-вѣкъ невоздержный явится домой, т.-е. къ будущей жизни, съ обнаженною душою, безъ добрыхъ дѣлъ“. Ипогда старецъ о. Александръ говаривалъ:— „масла старайся немного ѣсть, а то ни одной страсти не побѣдишь!“

Однажды монахиня Каллисѳенія сказала старцу: — „батюшка, мнѣ кажется, что вы только при другихъ кушаете чай и то безъ удовольствія?“

Старець. И ты также дѣлай.

Вопросъ. Батюшка, какъ бы я хотѣла подражать вашему житію.

Отвѣтъ. Ну, что жъ,—приготовляйся: хорошо бы не пить чай или, хотя въ среду и пятницу, пить по одному разу, хорошо бы и не ужинать, а если ноги затрясутся, можно съѣсть кусокъ хлѣба съ водою.

Два примѣчательныхъ разсказа, слышанныхъ іеросхи-монахомъ Александромъ отъ намѣстника Сергіевой Лавры о. архимандрита Антонія.

I.

Ученикъ о. іеросхимонаха Александра однажды спросилъ его:— „Батюшка! Знаютъ ли наши умершіе — кто именно и когда за нихъ молится?“

На этотъ вопросъ, какъ извѣстно, сильно интересую-щій весьма многихъ, особенно лишившихся близкихъ

сердцу, старецъ отвѣтилъ слѣдующимъ разсказомъ Намѣстника Троице-Сергіевой Лавры о. архимандрита Антонія, оставившаго память о себѣ, какъ человѣкѣ жизни духовной:

„Въ 1831 году, когда я поступилъ въ Лавру преподавшаго Сергія намѣстникомъ, тамъ, среди еще немногочисленной братіи, такъ мало было діаконовъ съ порядочнымъ голосомъ, что, бывало, почти не съ кѣмъ и служить. Черезъ нѣкоторое время къ намъ опредѣлился на жительство приходскій діаконъ, вдовецъ, съ порядочнымъ голосомъ. Съ тѣхъ поръ онъ всегда служилъ со мною и первенствовалъ.

Однажды приходитъ онъ ко мнѣ и просить, чтобъ я отпустилъ его ненадолго въ деревню,—на родину. Я говорю ему, что приближается праздникъ, и ему надо со мною служить. Діаконъ отвѣчалъ, что успеетъ вернуться къ празднику и служить будетъ. Тогда я согласился его отпустить.

Утромъ наканунѣ праздника спрашиваю: пришелъ ли дяконъ? Говорятъ „нѣтъ“.

Въ обѣдъ опять спрашиваю,—тоже нѣтъ.

Началось уже повечеріе, а діакона все еще нѣтъ. Я весьма оскорбился его поступкомъ.

Наконецъ, послѣ повечерія, къ самой всеобщей діаконовъ явился.

— Что жъ это ты:—вѣдь надобно служить?—замѣтилъ я ему строго. Діаконъ отвѣчаетъ, что онъ готовъ. Если готовъ, то служи, говорю ему. Отслужилъ онъ со мною благополучно.

Послѣ литургіи мы пошли въ трапезу обѣдать. Тамъ нѣкоторые изъ братіи начали шутить надъ діакономъ.— „Вотъ, еще ѣздилъ на родину“, говорятъ ему, „а какъ служилъ—голосъ ослабъ!“ Мнѣ пришлось унимать и успокоивать ихъ.

Послѣ трапезы всѣ разошлись по своимъ келліямъ. Діаконъ, по приходѣ въ свою келлію, взялъ кувшинъ и отправился за водой. Возвратясь, онъ поставилъ кувшинъ съ водою около своей двери и только что успѣлъ воткнуть ключъ въ дверь, какъ упалъ мертвымъ.

Съ полученіемъ извѣстія объ этомъ у меня тотчасъ же появилось сознаніе моей виновности въ его смерти чрезъ мое понужденіе его служить со мною, такъ какъ ему, уже усталому отъ дороги, пришлось вычитать въ своей келліи положенные каноны, акаѳистъ и повечеріе.

Въ своей тяжелой скорби я началъ молиться о немъ и велѣлъ записать его вездѣ и поминать на всѣхъ проскомидіяхъ и на всѣхъ службахъ церковныхъ.— Горячо молился я о упокоеніи души его, такъ какъ грусть не давала мнѣ покою.

Наканунѣ сорокового дня по кончинѣ діакона, я въ своей келліи прилежъ для краткаго отдыха, но вотъ слышу кто-то входитъ ко мнѣ. Келлія освѣтилась, и я вижу предъ собою почившаго діакона.

— „Я пришелъ васъ поблагодарить“, говоритъ онъ.

— „За что?“ спрашиваю.

— „За то, что вы молились обо мнѣ“.

— „Не я одинъ молился—и прочіе братія также молились; я велѣлъ вездѣ записать васъ и поминать“.

Діаконъ говоритъ, что онъ нигдѣ не записанъ, и его нигдѣ не поминали.

Дѣйствительно, какъ я послѣ справился,—діакона забыли записать.

— „Почему же вы знаете“, говорю ему, „что я о васъ молился?“

Онъ отвѣчаетъ:—„если человѣкъ и на три сажени въ землю зароется, то мы, съ кѣмъ Господь сотворитъ милость, видимъ какой человѣкъ молится, кому молится, за кого и о чемъ проситъ; колыми паче Господь все это видитъ“.

— „Какъ вы прошли мытарства?“ спрашиваю его.

— „Какъ молнія“,—отвѣчаетъ онъ.

— „Почему же?“

— „Потому, что Господь сподобилъ меня причаститься въ этотъ день и часъ“.

— „А какъ же вы въ трапезѣ съ братією поспорили?“

— „Этого Господь мнѣ и не вспомянулъ!“

— „Вотъ монахиня Хотькова монастыря N скончалась: гдѣ она находится?“

— „Она выше меня“,—отвѣтилъ почившій.
Видѣніе этимъ и кончилось“.

II.

Имѣя сильное желаніе устроить скитъ,—я о семъ докладывалъ митрополиту Филарету.

Владыко благословилъ мнѣ выбрать для скита мѣсто безмолвное и уединенное.

Прибывши съ этою цѣлію въ Візанію, я сталъ обзрѣвать окрестности изъ слухового окна чердака настоятельскихъ келлій. Глазами и мыслию остановился я на „Корбухъ“, въ лѣсу и положилъ въ своемъ сердцѣ, что на этомъ мѣстѣ и надобно устроить скитъ.

Черезъ нѣсколько времени легъ я въ своей келліи и еще не успѣлъ заснуть, какъ увидалъ свѣтъ; подходитъ ко мнѣ какой-то старецъ въ мантии, небольшого роста и говорить:

— „Что задумалъ, не медля начинай строить; Божіе есть благоволеніе на это“.

— „Кто вы?“—спрашиваю я его.

— „Мнѣ нынѣ Церковію совершается память“—отвѣтилъ старецъ и сталъ невидимъ.

Это было 28 сентября,—въ день памяти препод. Харитонія Исповѣдника.

Преосвященнѣйшій митрополитъ Филаретъ, выслушавъ отъ о. архимандрита Антонія этотъ разговоръ, благословилъ начинать устройство скита.

Черезъ три года, въ помянутый день совершенно освященіе деревяннаго храма, и съ тѣхъ поръ ежегодно наканунѣ 28 сентября въ Успенской церкви совершается всеобщее бдѣніе, самый же этотъ день считается днемъ основанія скита.

Выдержки изъ писемъ старца о. Александра.

О. Александръ весьма затруднялся давать письменные отвѣты и вообще писалъ очень рѣдко, развѣ когда кто-либо имѣлъ крайнюю необходимость въ его отвѣтѣ. Онъ

говорилъ, что письма отнимають у него много времени. Кромѣ того не писалъ онъ писемъ и потому, что по смиренію своему тяготился извѣстностью и всячески старался оберегать себя отъ тщеславія. Такъ, когда монахиня Каллисѳенія жаловалась: „батюшка, что же вы меня такъ мучите:—писала я къ вамъ нѣсколько писемъ и ни на одно не получила отвѣта. Я доходила даже до отчаянія, мнѣ было невыразимо тяжело, а безъ благословенія рѣшиться не могла“;—то старецъ отвѣчалъ:— „экая какая ты нетерпѣливая! А какая со мною-то бываетъ борьба! Демоны показываютъ мнѣ тѣхъ лицъ, къ кому я пишу письма. Когда они получаютъ мои письма — рвутъ на клочки да и цѣлуютъ ихъ. Бѣсы мнѣ говорятъ: „смотри—вотъ какъ тебя ублажаютъ“. Потому я мало и пишу“.

Отдѣльные наставленія старца,—въ письмахъ получаютъ болѣе связный видъ, такъ что по нимъ можно напечатать легче тотъ образъ высокоподвижническаго житія, какой о. Александръ показалъ на дѣйствительномъ опытѣ, и которому посильно подражать учили духовныхъ чадъ своихъ и учениковъ.

1) Къ монахинѣ Каллисѳеніи. „Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусъ Христе Боже нашъ, помилуй насъ!

Достопочтенная матушка!

Всеусердно желаю вамъ душевнаго мира и благодушнаго пребыванія. Смирненное ваше письмо получилъ отъ живущей съ вами NN исправно, изъ коего видно, что ваше устроеніе и положеніе со слабыми успѣхами. Но что дѣлать? Силенъ Господь по Своему милосердію возстановить насъ на правую стезю святыхъ и животворныхъ заповѣдей. Богъ видитъ всѣ желанія и воздыханія наши, отъ Него ничто не утаится, но все-таки и съ нашей стороны требуется борьба съ самимъ собою и сопротивленіе своимъ страстямъ. Черезъ борьбу эту, при помощи Божіей, мы бываемъ лучшими, познаемъ свои немощи и приходимъ въ смиреніе. Видимъ въ отеческихъ

писаніяхъ, что страсти наши насъ смиряють и уничтожаютъ наше высокое о себѣ мнѣніе, которое неугодно Богу. Смиреніе сильно и безъ дѣлъ представить насъ передъ Богомъ, а дѣла безъ смиренія не спасуть. Пріятнѣе для Бога грѣшникъ смиренный, нежели праведникъ да самомнительный, гордый. Да дастъ тебѣ Господь истинный разумъ увидѣть себя и да укрѣпитъ тебя въ находящихся скорбяхъ, которыя не безъ воли Его находятъ на насъ.

При семъ остаюсь желатель твоего спасенія, недостойный іеросхимонахъ Александръ“.

2) Послушницѣ NN. 1870 г. марта 26 дня. Молитвами с. о. н., Г. I. X. Б. н., п. в.

Внимающая себѣ, сестро NN, только еще не смиренная. Ты просишь моего наставленія и скорбишь, что не имѣешь ни одного письма, написаннаго моею рукою, въ утѣшеніе твоей скорби, когда бываетъ нападеніе духа унынія. Пишешь, что спастись хочется, а терпѣнія нѣтъ. Если будешь идти путемъ, проложенномъ святыми отцами, то не заблудишься и не впадеши въ пропасть или стремнину. Богъ печется о насъ и промышляетъ болѣе, нежели мы сами. Онъ устраиваетъ наше спасеніе, однакоже не хочетъ, чтобъ мы искали въ здѣшней жизни отраднаго. Всѣ св. отцы и матери шли скорбнымъ путемъ, не малодушествовали въ лютейшихъ скорбяхъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и, по претерпѣніи ихъ въ совершенномъ смиреніи, получили полное успокоеніе, даже духовное дарованіе. Хотя трудно бороться съ собою, но нужно, ибо жизнь наша есть безкровное мученичество. Мы ищемъ спасенія, оно заключается не въ одной только одеждѣ и жительствѣ въ стѣнахъ монастырскихъ, но и въ борьбѣ со страстями. „Искусивыйся — вся вѣсть, а не искусивыйся еще водимый духомъ мірскимъ и не понимаетъ, отчего можетъ быть вредъ для души. При томъ же все, что мы терпимъ, страдая отъ бывающихъ намъ непріятностей и скорбей,— есть плодъ нашего внутренняго устройства и возмездіе за сдѣланные грѣхи. По всему имѣемъ пить чашу полыни судьбъ Божіихъ, какъ для очищенія за грѣхи, такъ и для исправленія нашего устрой-

нія. Поэтому старайся принуждать себя къ перенесенію того, что тебѣ не нравится. Укоряй себя при сознаніи своихъ немощей, чтобы изработать смиреніе. Симвь можешь успокоиться, а то, хотя и на небо вселишься, — и тамъ не обрѣдешь покоя съ гордостью и самомнѣніемъ и тамъ не потерпишь. Смиреніе есть такое оружіе, которое одно сильно низложитъ всякія коварства и стрѣлы вражія. Смиреніе одно сильно насъ представить предъ Богомъ, а безъ смиренія — дѣла насъ не спасутъ. Да дастъ вамъ Господь Богъ разумъ и просвѣтитъ вашъ умъ увидѣть себя, и чтобы обновилася душа ваша благодатію всесильнаго Бога и приняла силу ко исполненію святыхъ Его заповѣдей, ибо страхъ — отецъ, а вниманіе — мать внутренняго покоя. Той же рождаетъ совѣсть чистую. А иже сіе творитъ и душа того, яко же въ нѣкой водѣ чистой и невозмущенной узреть свою красоту. И отъ того, т.-е. отъ познанія себя, отъ спасительнаго страха рождаются начатки и корень покаянія. А честь міра сего и богатства подобны мглѣ утренней, яже очесы человѣческими зрится и покрываетъ землю и горы, лѣса и моря и, егда возвѣтъ вѣтръ, — абіе исчезаетъ, аки лебывалыя. Такъ и наши чувственныя утѣшенія.

Пути добрыхъ и злыхъ идутъ между собою весьма близко, и злой не знаетъ, чѣмъ онъ кончитъ впослѣдствіи, и добрый не твердо стоитъ къ добродѣтели. Но, какъ порокъ ослабляется страхомъ, добродѣтель же — завистію, то и надо быть весьма осторожнымъ, чтобы не уязвило жало смерти. Этотъ превратный умъ принимаетъ на себя двоякій образъ, распространяетъ то ту, то другую сѣть. Онъ — или глубочайшая тьма, или, если откроешь его, тотчасъ превращается въ свѣтлаго ангела, почему нужна особенная осторожность, чтобы вмѣсто свѣта не встрѣтить смерти.

Извѣстный тебѣ Александръ іеросхимонахъ.

3) Письмо къ послушницѣ Харьковскаго Николаевского Дѣвичьяго монастыря.

Молитвами с. о. н., Г. І. Х. Б. н., п. п.

Честнѣйшая и немощнѣйшая сестро Людмила!

Всеусердно вамъ желаю душевнаго мира и благодушнаго пребыванія. Черезъ о. Филарета получили ваше пріятное и смиренное писаніе. На молитвы отцевъ — добро и похвально уповать, но слѣдуетъ при всемъ томъ и себя не забывать. И какъ вы имѣете раскаянія и произволеніе ко исправленію своихъ немощей, то Господь, по Своему милосердію, силенъ васъ простить и возстановить на правую стезю. Вы жалуетесь на себя, что нѣтъ исправленія и что хотя и всѣ средства имѣете ко благоугожденію Божію, но отъ лѣности и нерадѣнія остаетесь безъ успѣха. Да какъ же ты хочешь безъ понужденія и борьбы получить награду безстрастія. Страсти внутри насъ, онѣ еще не побѣждены, да и намъ неизвѣстны. А когда явится вина, — тогда и обличатся страсти. Съ нашей же стороны требуется сопротивленіе и чрезъ борьбу со страстями мы становимся лучшими, при помощи Божіей, потому что, познавъ свою немощь, приходимъ въ смиреніе. А о неплодствіи душевномъ не скорби: ничимъ же отщетишься и удостоишься получить милость Божію. По словеси Господню: „не осуждай, и не осуждена будешь“. Принимай обличенія съ благодареніемъ; оно воспользуетъ тебя болѣе, нежели все, и научить терпѣнію и смиренію, какъ и царь Давидъ пишетъ: „смирися и спасе мя“ (Пс. 114, ст. 6). Богъ да поставитъ тебя въ семъ и укрѣпитъ. Но, конечно, истинное произволеніе испытывается на дѣлѣ, а не на словахъ, какъ и военное искусство. И объ искусствѣи воиновъ мы судимъ не потому, какъ они учатся артикулу и маневрамъ, но когда они, побывавъ много разъ въ сраженіяхъ, побѣждаютъ или бываютъ побѣждены. Да дастъ же тебѣ Господь истинный разумъ и да укрѣпитъ тебя въ находящихъ скорбяхъ. При семъ и остаюсь желатель твою спасенія, извѣстный вамъ недостойный іеросхимонахъ Александръ.

Прошу васъ передать земное поклоненіе всечестнѣйшей матушкѣ игуменіи Емилиіи *).

*) Первая игуменія Харьковскаго (находящагося въ 35 верстахъ отъ г. Харькова) Николаевскаго Дѣвичьяго монастыря.

4) Молитвами с. о. н., Г. I. X. Б. н., ц. н.

Достопочтеннѣйшее и немощнѣйшее чадо Пелагія!

Сердечно желаю вамъ душевнаго мира и спасенія. Уповаю на молитвы отцевъ, надо и себя подгонять, ибо что посѣешь, то и пожнешь. „Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша“ (Лук. XXI, 19), научаешь св. Писаніе, потому-то безъ терпѣнія не можетъ усовершиться ни одна добродѣтель, безъ терпѣнія и смиренія всѣ наши подвиги сомнительны, и сколько можетъ сердце вмѣстить въ перенесеніи скорбей, столько вмѣщаетъ и благодати Божіей. Сказано: въ скорби... „помянухъ Бога и везвеселихся“ (Пс. 76, 3 — 4) и еще: „многи скорби праведнымъ“ (Пс. 33, 20). Всѣ святые шли путемъ скорбнымъ, тѣснымъ, и получили царство небесное потому, что „тѣсный путь — вводяй въ животь вѣчный“ и „пространный путь — вводяй въ пагубу и мнози суть входяще имъ“ (Матѣ. VII, 13 — 14). Войдите въ себя и размыслите о своемъ желаніи; къ чему должны стремиться мы по воспріятіи на себя монашества? Къ высшему. Какъ же вы отъ малой скорби колеблетесь? Вы желаете взять на себя великое, а оно достигается только скорбями, терпѣніемъ и непрестаннымъ призываніемъ имени Господня. Многіе брали на себя много, но, не испытавши себя прежде терпѣніемъ въ скорбяхъ, все растеряли и всѣ ихъ подвиги не устояли, какъ неправильные, потому что только смиреніемъ и терпѣніемъ побѣждаются тщеславіе, самолюбіе, гордость, уныніе и другія подобныя страсти. Вступить безъ оружія въ борьбу съ тѣмъ, который ведетъ съ нами брань уже восьмую тысячу лѣтъ, — весьма опасно: много онь нашего брата свелъ въ преисподнюю. Принимай обличеніе охотнѣе, нежели похвалу, — оно научитъ тебя смиренію и терпѣнію.

Богъ да наставитъ тебя семъ и укрѣпитъ.

Недостойный іеросхимонахъ Александръ. 1876 г. іюля 7-го, вечеръ. Скитъ Геосиманія.

Выписки, взятые о. іеросхимонахомъ Александромъ изъ разныхъ сочиненій Ефрема Сирина и Григорія Божественнаго, найденныя въ келліи старца по кончинѣ его.

Будь осторожна, душа моя, попекись о совѣсти своей, не обращай вниманія на паденія другихъ, но будь паче внимательна къ однимъ своимъ паденіямъ. Спѣши, предупреди, примиришь съ Христомъ, распятымъ за тебя плотію. Если сами себя осудили, то не будемъ осуждены тамъ, гдѣ великое и нескончаемое осужденіе.

Умилосердись ко мнѣ, Господи, по благоутробію Твоему и спаси меня по единой благости Твоей, молитвами Пречистой Владычицы нашея Богородицы и всѣхъ святыхъ Твоихъ.

Но, если по щедротамъ Твоимъ, посѣтишь душу мою,—то обрѣтется, если призришь на нея,—то спасена будетъ, если услышишь ее, — то укрѣпится въ силахъ. Поревнуй о ней, потому что она обручена съ Тобою, и обручившій ее съ Тобою, Павелъ сказалъ, что Ты, безсмертный, — ревнитель.

Не презри ее, чтобы врагъ не подумалъ, что Ты въ разводѣ съ нею и отослалъ ее отъ Себя. Накажи меня, Господи, по щедротамъ Твоимъ, но не предаждь меня въ руки губителя. Увы, возобладавшій мною грѣхъ, напелъ нажить свою во мнѣ и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе унижаетъ и погружаетъ меня въ глубину свою, а я, окаянный, не перестаю прогнѣвлять Бога, не страшусь онаго, неугасимаго огня, не трепещу нескончаемыхъ мученій. Грѣхъ, обратившись въ навѣкъ, вовлекъ меня въ совершенную погибель, хотя я самъ себя обличаю и не перестаю приносить исповѣданіе, однакожь все пребываю въ грѣхахъ; смотрю, и не вижу, потому что погрѣшаю въ самомъ покаеніи, не углубляясь въ различеніе дѣлъ.

Какъ рабъ грѣха, я, не хотя, дѣлаю худое, какъ воинствующій подъ властью его, — ему подчиняюсь; и, имѣя возможность бѣжать, плачу дань этому царствующему во мнѣ навѣку. Радѣя о страстяхъ,—несу оброки плоти. Зная, что растлѣніе во мнѣ усиливается, — самъ

содѣйствую ему. Влекомый какою - то тайною силой, — хочу, будто, бѣжать, но, какъ пещь на желѣзной цѣпи, опять возвращаюсь туда же.

Иногда дохожу до ненависти ко грѣху и питаю отвращеніе къ беззаконію, но все же пребываю поработченнѣе страсти: она обладаетъ мною, несчастнымъ, и сластію грѣховною противъ воли вовлекаетъ въ грѣхъ. Страсть купила себѣ мое произволеніе и источаетъ на меня грѣхъ. Кипятъ во мнѣ страсти, вопреки уму: онѣ срастворились съ плотію и не терпятъ разлученія.

Напрягаюсь перемѣнить произволеніе, но предшествовавшее мое состояніе никакъ не даетъ мнѣ успѣть въ этомъ. Стараюсь, бѣдный, освободить душу отъ долговъ, но злой займодавецъ тутъ же вводитъ меня въ большіе долги. Щедро даетъ онъ заемъ и не напоминаетъ объ отдачѣ, даже совсѣмъ не хочетъ брать обратно, желая только рабства моего, даетъ и не взыскиваетъ долга, чтобъ обогащался я страстями. Хочу отдать ему старый долгъ, а онъ прибавляетъ новый.

Если же дѣлаю себѣ бѣльшее принужденіе, — перечу страстямъ, — онъ, чтобъ низложить меня, придаетъ новыя страсти и, видя, что постоянное пребываніе въ долгу заставляеть меня быть грѣшнымъ, — вводитъ въ меня новыя пожеланія, а чтобъ я не исповѣдывался, — ввергаетъ меня въ забвеніе моихъ страстей.

Встрѣчаясь съ новыми страстями, и занятый ими, — забываю о прежнихъ. Дружусь съ появившимися вновь страстями, и опять оказываюсь должникомъ, бѣгу къ нимъ какъ къ друзьямъ, и займодавцы мои опять обходятся со мною, какъ властелины, и я, который незадолго до сего старался получить свободу, ради ихъ дѣлаюсь преданнымъ рабомъ. Спѣшу снова разорвать ихъ узы, и снова облагаюсь новыми. Спѣшу освободиться отъ воинствованія въ рядахъ ихъ, но, какъ взявшій съ нихъ много даровъ, — оказываюсь невольнo связаннымъ съ ними. О, какая власть надо мною грѣховныхъ страстей! О, какое господство злохитраго и коварнаго змія! Дѣйствую по природѣ, — и онъ входитъ въ торгъ, даетъ залогъ, чтобы продать умъ самому грѣху. Убѣждаетъ меня угождать

плоти подѣ предлогомъ употреблять ее на служеніе душѣ и я, пренобѣждаясь сластолюбіемъ и предавшись тотчасъ неводержному сиу, совершенно лишаюсь ея услуги. Когда молюсъ,—внушаетъ мнѣ мысль о какомъ-нибудь ничтожномъ удовольствіи, и ею, какъ мѣдною цѣпью, держитъ слабый умъ мой, — и не ослабляетъ узъ, хотя онъ и порывается бѣжать.

Весьма прекрасны слова мои для другихъ, а дѣла мои отвратительны. Другихъ учу порядку въ мірѣ, а самъ, несчастный, предаюсь страсти.

Всѣ дни мои протекли и исчезли въ грѣхахъ, и ни одного дня не служилъ я правдѣ. Едва начиналъ я каяться, съ намѣреніемъ больше не грѣшить, какъ приходилъ лукавый и уловлялъ меня по ненависти своей. Горе мнѣ, потому что добровольно попадаюсь въ сѣть его.

Если выйду пройтись,—то выступаю, какъ праведникъ и мудрецъ. Увижу ли, что иной грѣшитъ, смѣюсь и издѣваюсь надъ нимъ. Увы, обнаружатся и мои беззаконія и посрамлюсь!

О, лучше бы мнѣ не родиться на свѣтъ! Тогда не развратилъ бы меня этотъ преходящій міръ; не видя его, — не сдѣлался бы я виновнымъ, не осквернилъ бы себя грѣхами и не боялся бы истязанія, суда и мученія. Едва даю я обѣтъ, принести покаяніе, какъ снова возвращаюсь и впадаю въ тѣ же грѣхи. Радуетъ меня часъ, проведенный во грѣхѣ, и думаю еще, что дѣлаю похвальное. Увы мнѣ! Доселѣ не помышлялъ я, что ожидаетъ меня геенна. Лукавая воля вводитъ меня въ грѣхъ, но когда согрѣшу,—слагаю вину на сатану. Но горѣ мнѣ!—потому что я самъ причиною грѣховъ моихъ. Лукавый не заставитъ меня согрѣшить насильно: грѣшу я по своей волѣ. Умилосердись ко мнѣ, Милосердый къ кающимся! Прости мнѣ вины мои по множеству благодати Твоей! Пріими, Господи, слезы, приносимыя Тебѣ мною, и очисти меня отъ грѣховъ, какъ грѣшницу. Сознаю, Господи, что согрѣшилъ я, пощади меня по щедротамъ Твоимъ.

Придите, взыщемъ щедротъ, пока возможно для насъ искать ихъ. Мѣсто покаянія въ этомъ преходящемъ мѣрѣ; а въ томъ непреходящемъ мѣрѣ не будутъ приняты ни молитвы, ни слезы.

Грѣшница слезами, какія пролила, уничтожила рукописаніе грѣховъ своихъ. И ты, грѣшникъ, возьми съ собою и принеси въ даръ слезы, воздыхая, воззови ко Господу, и тотчасъ простишь тебѣ долги твои. Какъ даръ Христу Господу, принеси, кающійся, слезы и ударяй себя въ перси, какъ мытарь, который воздыхая молился и говорилъ: „милостивъ буди, Господи, мнѣ грѣшнику, прогнѣвавшему Тебя“.

Вотъ дверь отверста, и ждутъ возвращенія твоего, грѣшникъ. Возвратись ко Господу твоему, оставь путь непотребства, встань и вступи на стезю къ царствію. Открылась у тебя грѣховная язва; если замедлишь, она всецѣло погубитъ тебя. Врачъ твой многоискусенъ, покажи Ему язву свою, слезно плачь у двери Его, побуди Его щедроты, чтобъ уврачевалъ тебя. Увы! Какое тяжкое отмщеніе потерпѣла ты, душа мая!.. Тщеславные смертные, подлинно стали мы подобны легкому дуновенію вѣтра; ни худое, ни доброе, ничто не бываетъ у людей до конца одинаковымъ. Пути добрыхъ и злыхъ идутъ между собою весьма близко; и злой не знаетъ, чѣмъ онъ кончитъ въ послѣдствіи, и добрый не твердо стоитъ въ добродѣтели; но какъ порокъ ослабляется страхомъ, такъ добродѣтель — завистию. И Христу угодно, чтобы съ тѣмъ и съ другимъ боролся нашъ однодневный родъ; чтобы мы, взирая на Его могущество, устремляли взоръ горѣ! Тотъ у насъ совершенъ, кто идетъ прямымъ путемъ, не озирается на пепельную пустыню Содома, погибельнымъ огнемъ пожигаемаго за наглость, но стремительно бѣжитъ на гору изъ страха, чтобы не стать притчею и солянымъ камнемъ. Собственными своими страстями свидѣтельствую я о человѣческой растлѣнности. Когда былъ я отрокомъ, а нѣсколько разумѣнія имѣлъ въ груди, тогда, слѣдуя какому-то прикровенному разуму и похвальнымъ обычаямъ, восходилъ я горѣ къ свѣтоварному престолу, а не блуждающими стопами шель

по царскому пути. Но теперь, когда собрался я съ разумомъ и касаюсь уже предѣла жизни, какъ бы отъ упоенія, нетверды стали стопы мои и я, несчастный, иду излучинами; меня изнуряетъ брань съ пресмыкающимся зміемъ; она тайно и явно похищаетъ у меня всякую хорошо придуманную мысль. То простираю умъ къ Богу, то опять увлекаюсь въ худую сластность міра; и не малую часть души моей исказилъ смертный міръ. Но, хотя покрылъ меня собою черный грѣхъ, хотя врагъ мой, подобно каракалицѣ, изрыгающей черноту свою на воды, явно излилъ на меня темный ядъ, однакоже я столько могу еще разобрать и рассмотреть, что наилучшимъ образомъ вижу: кто я, чего желаю достигнуть и гдѣ нахожусь, несчастный, сколько разъ падалъ я на землю или въ разверстыя подъ землею бездны. Не обольщаюсь убѣжденіями, не плѣняюсь словами, придуманными въ защиту страстей, не утѣшаюсь измѣреніемъ чужихъ пороковъ, какъ совершеннѣйшій въ сравненіи съ другими. Больному, котораго рѣжутъ желѣзомъ, пріятно ли видѣть, что рѣжутъ и другихъ, и что они ощущаютъ еще сильнѣйшую боль? Что за пріобрѣтеніе порочному отъ того, что другой и его порочнѣе? Кто отличается доброю, отъ того можетъ получить пользу и добрый, и худой; потому что зрячій—пріобрѣтеніе для слѣплого. Но улажаться тѣмъ, что видишь порочныхъ, есть признакъ еще большей порочности.

Если кто понимаетъ меня хорошимъ, когда я худъ, это тяжело для меня, и я внутренно проливаю тайныя слезы. Лучше, будучи хорошимъ, во мнѣніи другихъ оставаться худымъ, нежели, будучи худымъ, имѣть славу добраго, и быть для людей обманчивымъ гробомъ, который внутри полонъ зловонія отъ гниющихъ мертвецовъ, а снаружи блистаетъ бѣлизною и пріятными для взора красками. Убоимся великаго Ока, которое видитъ и подъ землею и въ великихъ глубинахъ моря, видитъ все, что скрывается въ человѣческомъ умѣ. Предъ нимъ ничего не раздѣляетъ время; для Бога—все настоящее. Какъ же скрылъ бы отъ Него кто-нибудь свое беззаконіе? Гдѣ же укроемъ самихъ себя въ послѣдній день, кто поможетъ

тогда? Гдѣ утаимся отъ Божія Ока, когда дѣла всѣхъ различить очистительный огонь, пожирающій легкое и сухое естество грѣха? Сего то грѣха боюсь и трепещу день и ночь, видя какъ душа испадаетъ отъ Бога на землю, больше и больше сближается съ перстію, которой желалъ я избѣжать.

О семъ плачу и не знаю ясно, что дастъ завтрашній день. Приведетъ ли меня Богъ обратно къ прежнимъ правиламъ жизни, освободивъ отъ горестей и снявъ съ меня все бремя; или, прежде нежели увижу ясное небо, прежде нежели приложенъ будетъ пластырь къ ранамъ, изринетъ меня отсюда погруженнымъ въ скорби несчастливцемъ, который желаетъ свѣта послѣ глубокой ночи? Тогда кто поможетъ сѣгующимъ напрасно? Здѣсь врачество для людей, а на послѣдокъ все будетъ заключено.

Посему я и плачу, и Царя, Который владычествуетъ надъ всѣмъ и все взвѣшиваетъ на вѣсахъ своихъ, слезно молю, чтобы милостиво разсудилъ душу и тѣло, прекратилъ брань и худшее (какъ и слѣдуетъ, потому что сіе гораздо полезнѣе и для души и для тѣла) подчинилъ лучшему, чтобы обремененная перстію душа не влачилась по землѣ и не погружалась, какъ свинець, въ глубину: но чтобы персть уступала окриленному духу и образу, и грѣхъ истаявалъ, какъ воскъ отъ огня. О семъ умоляя и самъ прилагаю многія врачества къ грубой плоти, чтобы прекратить жестокой недугъ, чтобы крѣпкими узами удержать силу плоти, какъ самаго вѣроломнаго звѣря; трепеща злой волны, ставлю преграды чреву; неудобоищлемою скорбію изнуряю сердце и проливаю токи слезъ; преклоняю предъ Царемъ сокрушенныя колѣна, провожу ночи безъ сна, ношу печальную одежду.

Инымъ приходятъ на мысль пиры, ликованья, смѣхъ, объяденіе—эти забавы цвѣтущаго возраста. Иныя опять находятъ утѣшеніе себѣ въ супругахъ, въ сыновьяхъ, въ непрочной славѣ, обладать огромнымъ богатствомъ, иныхъ оная увеселяютъ народныя собранія, рощи, бани, городская пышность, похвальныя рѣчи, шумъ сопровождаю-

щихъ, когда сами они несутся на высокихъ колѣсницахъ. Ибо у смертныхъ много утѣхъ въ многообразной жизни, и къ самымъ бѣдствіямъ примѣшивается веселіе, но я умеръ для жизни, едва перевожу духаніе на землѣ; бѣгаю городовъ и людей, бесѣдуя со звѣрями и утесаами, одишь вдали отъ другихъ обитаю въ мрачной и необдѣланной пещерѣ, въ одномъ хитонѣ, безъ обуви, безъ огня, питаюсь только надеждой и обратился въ поношеніе всѣмъ земнороднымъ. У меня ложе — древесныя вѣтви, постелію — надежная власяница и пыль на полу, омоченная слезами. Многіе воздыхаютъ подъ желѣзными веригами, иные, сколько знаю, употребляютъ въ пищу пепель и питіе у нихъ растворено горькими слезами; иные, осыпаемые зимними снѣгами, по сорока дней и ночей стоятъ, какъ древа, воспрянувъ сердцемъ отъ земли и имѣя въ мысли единого Бога. Иной, замкнувъ себѣ уста, и на языкъ свой положилъ узду, которую, впрочемъ, не всегда стягиваетъ; ослабляетъ же ее для однихъ пѣснопѣннй, чтобы уста его были одушевленными гуслими, въ которыя ударяетъ духъ. А иной посвятилъ Христу главу свою и, ради благочестиваго обѣта, блюдетъ ее отъ остриженія. Другой же смѣжилъ свои очи и къ слуху приставилъ двери, чтобы не уязвило его откуда-нибудь непримѣтнымъ образомъ жало смерти. Ибо таковъ умыселъ завистливаго велиара. Онъ всегда преслѣдуетъ ненавистію человѣческой родъ и нетерпитъ, чтобы земные дѣлались небесными; потому что самъ за свое злоумышленіе свергнуть съ неба на сію землю. Онъ, злосчастный, возжелалъ имѣть славу первой красоты и великую царственную честь самого Бога; но вмѣсто свѣта облекся въ ужасную тьму. Потому и увеселяется всегда темными дѣлами, имѣетъ здѣсь владычество надъ мрачнымъ грѣхомъ. Этотъ превратный умъ принимаетъ на себя двоякій образъ, распростирая то ту, то другую сѣть. Онъ — или глубочайшая тьма, или, — если откроешь его, — тотчасъ превращается въ свѣтлаго ангела и обольщаетъ умы кроткою улыбкою, почему и нужна особенная осторожность, чтобы вмѣсто свѣта не встрѣтиться съ смертью *).

*) Съ тьмою.

Избѣгать порочной жизни могутъ и худые люди, потому что открытый порокъ многимъ ненавистенъ. Хвалю же того, кто изощренными очами духа обличаетъ коварнаго и невидимаго врага. Но Ты, Милосердый, соблюди мою старость и мою сѣдую голову и пошли добрый конецъ жизни.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Итакъ, въ чемъ же состоитъ особенная польза и назидательность жизни старца Александра?

Въ томъ, что она ободряетъ всѣхъ къ терпѣливому прохожденію жизни внимательной, никакими предметами міра сего неразвлекаемой и неразсѣваемой, — инокамъ же она показываетъ въ особенности какія сокровища и какое духовное утѣшеніе можно найти, оставивъ всѣ утѣшенія міра для чисто внутренней жизни души. Если умъ, ничѣмъ не занятый, тотчасъ предается праздности, унынію, лѣнности или духовной неподвижности, то этого не бываетъ, если инокъ непрестанно внимаетъ себѣ, возбуждая себя къ духовной бодрствениости посредствомъ молитвы, всякій разъ оплакиваетъ свои паденія и снова понуждаетъ себя къ подвигамъ и трудамъ. Такова жизнь старца Александра. Поэтому-то полезно читать ея описаніе для тѣхъ иночествующихъ, которые ищутъ въ монастырѣ не жизни спокойной и ограничивающейся однимъ внѣшнимъ исполненіемъ монастырскихъ обычныхъ правилъ, но жизни, постоянно воспламеняемой любовію къ благу духовному, лучшему, чѣмъ всѣ земныя мимолетныя утѣшенія.
